

родственниковъ и всѣхъ соплеменниковъ, даютъ ей пощечины; бросаютъ въ нее комья грязи и экскременты животныхъ и ведутъ ее по улицамъ и полямъ при возгласахъ проклятій и ругательствъ и, выведя за черту селенія, высылаютъ ее къ ея родителямъ или къ ея племени. Но и здѣсь, даже у родителей, «ее принимаютъ съ тѣми же проклятїями и ругательствами, за то, что она навлекла позоръ на все племя, и такой дѣвушкѣ никогда больше не искать мужа: она влачить жалкое существованіе до смерти, отторгнутая, презираемая всѣми.

Конечно, у всякаго можетъ возникнуть мысль, не можетъ ли женихъ солгать, и почему ему безусловно вѣрятъ. Къ несчастью, это вѣрно, и бывали случаи, когда курдъ, желая погубить своего врага или соперника, путемъ-ли купли, путемъ-ли примиренія, путемъ-ли похищенія дѣвушки, женится на ней и не гнушается оклеветать несчастную въ такомъ позорномъ поступкѣ лишь съ цѣлью опозорить врага или враждебное племя. На мой вопросъ, почему такъ безусловно вѣрятъ жениху и не производятъ разслѣдованія, курды отвѣтили мнѣ, что въ такомъ дѣлѣ не можетъ быть разслѣдованія и что нужно безусловно вѣрить жениху, потому что онъ, во-первыхъ, дѣлаетъ большіе расходы, чтобы прїобрѣсти невѣсту, кои не возмѣщаются ему, и, во-вторыхъ, онъ знаетъ, что навлекаетъ на себя и на свое племя страшный гнѣвъ Аллаха, если только онъ оклеветалъ дѣвушку, позоръ которой взыщется съ него и со всего его племени.

Отказъ въ рукѣ дѣвушки возможенъ и послѣ обрученія. Отказавъ, отецъ дѣвушки имѣетъ право продать свой *маль* другому, но нужно подождать, пока прежній женихъ женится на другой,—иначе при выдачѣ дѣвушки замужъ за другого непременно произойдетъ кровопролитіе. Курды мотивируютъ это слѣдующимъ образомъ: «судьба приблизила другъ къ другу звѣзды нашей дѣвушки и этого мальчика, но мы своею волею отдалили ихъ; теперь, пока звѣзда мальчика не соединена со звѣздой другой дѣвушки, несправедливо продавать нашу дѣвушку. Вѣдь мальчикъ— столбъ дома, а дѣвушка лишь предметъ продажи (*маль*)». Но быкновенно послѣ отказа женихъ прїобрѣтаетъ свою невѣсту путемъ похищенія,—иначе онъ не *игитъ*, не храбрый мужчина. Затѣмъ, считается большою удалью и храбростью похитить невѣсту у врага или соперника, и похищеніе это совершается обыкновенно во время свадебнаго шествія, и часто шествіе это превращается въ шествіе печали и траура. Вотъ почему женихъ и товарищи должны быть вооружены, чтобы защищаться при нападеніи. Въ такомъ случаѣ невѣста достается побѣдительно, и женихъ, допустившій похищеніе своей невѣсты, считается недостойнымъ обладать ею.

Интересно и то, что курдъ никогда не называетъ свою жену по имени, не говоритъ ей: *жена*, а при обращеніи къ ней, или при разговорѣ о ней съ посторонними называетъ ее: *дочь моего тестя* или *невѣста моего отца*.

Для полноты моего очерка мнѣ нужно было бы описать еще обряды похоронъ и траура по убитому или умершему, но я боюсь злоупотребить вашимъ вниманіемъ и, заканчивая мой очеркъ, надѣюсь, что успѣлъ дать вамъ если не полное, то, по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе конкретное понятіе о курдахъ Азербейджанской провинціи Персіи.

А. А. Аракелянъ.

Въ горахъ между рр. Фортангой и Аргуномъ.

Конецъ іюля и начало августа 1902-го года были очень дождливы: дождь не переставалъ иногда сплошь по цѣлымъ суткамъ. Дороги вездѣ страшно испортились, а уровень воды въ рѣкахъ стоялъ очень высокій. При такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ я могъ двинуться въ горы только 10-го августа, и то еще не будучи вполне увѣреннымъ въ благоприятномъ для намѣченной цѣли исходѣ поѣздки.

Для выполненія служебнаго порученія мнѣ надлежало подняться почти до самыхъ истоковъ р. Фортанги, перевалить затѣмъ въ ущелье р. Кій-хи и по этому послѣднему выйти на р. Аргунь (Чанты-Аргунь) къ укрѣпленію Евдокимовскому.

Дорога отъ станицы Ассинской, откуда я выѣхалъ, протекаетъ вначалѣ по равнинѣ, окаймленной съ юга и юго-запада первыми уступами лѣсистыхъ Черныхъ горъ, на сѣверѣ р. Ассой, а на востокѣ р. Фортангой. Мѣстность эта нѣсколько приподнята къ югу и очень богата кустарниковой и травянистой растительностью. Особенно обильно кустарниками пространство, заключенное между дорогой и р. Фортангой; громадная площадь почти сплошь занята держи-деревомъ (*Palurus acueatus* Lam.) и низкорослымъ, невзрачнымъ дубомъ (*Quercus Robur* Willd.). Небольшіе клочки свободной отъ кустарника земли служатъ исключительно для сѣнокосовъ, и расчисткой никому не охота заниматься. Причина тому кроется, какъ мнѣ не разъ приходилось слышать отъ казаковъ, въ существующихъ порядкахъ пользованія юртовыми надѣлами: доставшійся хозяину подъ распашку пай остается въ его пользованіи лишь два года, а потомъ ему даютъ новый. Въ силу этихъ обстоятельствъ, несмотря на то, что земля, полученная изъ подъ держи-дерева, даетъ чудесные урожаи, не находится желающихъ взяться за тяжелый трудъ—расчистку, и площадь въ нѣсколько сотенъ десятинъ пропадаетъ совершенно непроизводительно.

Верстахъ въ десяти отъ станицы, у выхода ущелья р. Фортанги, находится милиціонерскій постъ, а немного выше него хуторъ Нижній Бомуть, населенный горцами, арендующими у ассинцевъ земли подъ покосы и пашни. Постъ и хуторъ расположены на высокой (лѣвой) рѣчной террасѣ. Миновавъ прозрачный ручей Аршты, дорога спускается съ террасы на дно ущелья Фортанги и здѣсь пересѣкаетъ ея лѣвый притокъ—р. Фугонь, несущую всегда ужасно грязную, насыщенную глиной воду. Дно ущелья обильно поросло мелкой ольхой, карагачемъ, изрѣдка, ясенемъ и дубомъ вперемежку съ раскидистыми группами лещины, бузины и проч.; встрѣчающіяся здѣсь маленькія прогалины зарастаютъ высокими бурьянами, или-же сплошь покрыты травянистой бузиной (*Sambucus Ebulus* L.) и потому мало пригодны даже для пастьбы. Широкое русло Фортанги усѣяно булыжникомъ, галькой; по отмелямъ и около береговъ намыты толстые пласты иловатаго песка, и цѣлыя кучи корчагъ, иногда цѣлыхъ деревьевъ, и всевозможнаго лѣснаго хлама выложены прибоемъ въ высокіе ярусы.

Перебравшись по перекатамъ на правый берегъ рѣки, дорога вступаетъ подъ густую сѣнь буковъ и, слѣдуя вверхъ по теченію, приводитъ къ казенной лѣсной караулкѣ. Караулка стоитъ на полянѣ Хамышка-боссъ, вытянувшейся длинной полосой у подножія склоновъ, обрамляющихъ ущелье р. Фортанги съ востока. Непосредственно за усадьбой проходитъ глубокая впадина лѣснаго ручья Сала-али, который тутъ-же и вливается въ Фортангу.

Лѣтъ 30—40 тому назадъ поляны Хамышка-боссъ и Сала-ирзау, лежащая въ

лѣсистомъ ущельѣ названнаго ручья, служили надежнымъ убѣжищемъ для карабулаковъ, заселявшихъ ихъ своими хуторами. Въ настоящее время эти мѣста пустыни, а нѣкогда огромная поляна Сала-ирзау успѣла зарости молодымъ преимущественно ясеневымъ лѣсомъ и сократилась болѣе чѣмъ на двѣ трети своей площади.

За караулкой колесная дорога прекращается и замѣняется тропами. Чтобы сократить нѣсколько разстояніе, было рѣшено вначалѣ прослѣдовать по руслу рѣки, но, проѣхавъ не болѣе версты, мы должны были отказаться: масса камней, карчей и разнаго хлама настолько загромождала путь, что двигаться стало совершенно невозможно; въ довершеніе-же всѣхъ неудобствъ, наши лошади поминутно вязли въ илистыхъ наносахъ, и такіе случаи бывали иногда настолько неожиданны (сверху наносы казались совершенно твердымъ грунтомъ), что можно было очень легко вылетѣть кувыркомъ изъ сѣдла, какъ это и продѣлалъ одинъ изъ моихъ сиутниковъ. Волей-неволей пришлось возвратиться назадъ и перебраться на лѣвую террасу, гдѣ и проходить вьючная тропа.

Интересное явленіе представляетъ р. Фортанга немного выше впаденія въ нее ручья Сала-али: ѣдущему внизъ по рѣкѣ кажется, что она вдругъ исчезаетъ—уходитъ въ землю; только подвинувшись ближе, можно видѣть, какъ, оставивъ влѣво свое широкое русло, вода падаетъ въ узкій капаль, вырытый ею въ толщахъ глинистыхъ сланцевъ во время небывалыхъ повсемѣстныхъ наводненій въ Терской области въ маѣ 1900-го года.

На протяженіи верстъ 3—4 тропа идетъ по полянамъ, на, которыхъ разбросаны кукурузныя поля и сѣнокосы бомутскихъ хуторянъ. Сѣнокосы и кукурузники какъ-бы соперничали между собою въ буйномъ ростѣ; впрочемъ, лѣсныя поляны и прогалины здѣсь даютъ хотя и обильное, но плохое по качеству сѣно: высокіе бурьяны забиваютъ остальную травянистую растительность.

Но вотъ поляны остались позади и мы нырнули въ прохладу лѣсныхъ насажденій. Насколько пріятенъ въ знойный полдень зеленый шатеръ, настолько-же и ужасна грязная тропа, по которой теперь приходится ѣхать: пошла обычная въ такихъ случаяхъ лѣстница, происшедшая отъ выдавливанія углубленій въ мягкой почвѣ ногами вьючныхъ животныхъ, на которыхъ исключительно производится перевозка тяжестей. Тамъ, гдѣ дорогу пересѣкаютъ лежа многочисленныхъ балочекъ и водомоинъ, онѣ буквально заполнены полужидкой липкой грязью; то и дѣло надо было спѣшиваться и, ведя лошадей въ поводу, обходить топи, лавируя между стволами деревьевъ. Черезъ часъ такой ѣзды мы спустились; к руслу рѣки и пошли свободнѣе. Вскорѣ тропа втягивается въ узкій каньонъ, въ которомъ рѣка извивается змѣей, ударяясь то въ правый, то въ лѣвый берегъ; высокіе песчаниковые утесы составляютъ ущелье и по ихъ карнизамъ и выступамъ лѣпится древесная растительность. Лѣса состоятъ здѣсь главнымъ образомъ изъ бука, граба съ примѣсью ясеня, липы и карагача; по низинамъ господствуетъ ольха съ обильнымъ подлѣскомъ изъ лещины, бересклета и бузины, сплошь перевитыхъ хмѣлемъ. На протяженіи около двухъ верстъ надо было переѣхать вбродъ рѣку четыре раза, причемъ вода иногда доставала до сѣдла. Бока ущелья все ближе подходятъ другъ къ другу и рѣка, наконецъ, заполняетъ между ними все пространство; дальше вверхъ каньонъ еще болѣе суживается, по руслу образуются пороги и путь низомъ прекращается. Но крутому

откоосу тропа выбѣгаетъ снова на лѣвую террасу: поверхность ея сильно бугриста: почва здѣсь сползаетъ, получаютъ заторы и топи. На этихъ мѣстахъ я замѣтилъ уже порядочныя площади, поросшія высокимъ камышомъ и кислыми злаками; вообще этотъ склонъ ущелья представлялъ картину осововъ и оползней, сдвиговъ и осыпей. Сопровождавшій меня старшій объѣздчикъ Абдулла Ханіевъ говорилъ, что всѣ эти перемѣщенія почвы получили свое начало въ злополучномъ 1900-мъ году во время майскихъ ливней и теперь продолжаютъ увеличиваться послѣ cadaго обильнаго дождя.

Часа черезъ три отъ караулки тропа выходитъ на обширную возвышенную поляну Гандаль-боссъ; въ сѣверо-западномъ углу ея, выглядывая изъ-за широкихъ кронъ яблонь, грушъ и кустовъ алычи, стоитъ въ развалинахъ башня; по преданіямъ, она служила жилищемъ и оплотомъ нѣкоего Гандала, изъ племени карабулаковъ, который со своимъ обширнымъ родомъ еще въ дошамилевское время держалъ въ страхѣ ущелье до мѣстонахожденія современнаго Верхняго Датыха включительно. Теперь поляна составляетъ часть земель Терскаго казачьяго войска и арендуется жителями датыхскаго хутора подъ сѣнокосъ и распашку.

Съ поляны открывается широкая панорама на ущелья Фортанги и ея праваго притока—Джола; при сліяніи ихъ разбросаны черныя, закопченныя мазанки Нижне-датыхскаго хутора, гдѣ намъ предстояло заночевать. Не успѣли мы приблизиться къ жильямъ, какъ толпа полунагихъ оборванныхъ ребятишекъ, завидѣвъ насъ, подняла неимовѣрный вопль и стenanія; особенно въ этомъ отличались дѣвочки, трагически ломавшія руки и что то причитавшія на своемъ мнѣ неизвѣстномъ діалектѣ. Публика, такъ громогласно насъ привѣтствовавшая, слѣдовала немного въ сторонѣ за нами и продолжала вопить, пока это, очевидно, не надоѣло моему спутнику Ханіеву и онъ ихъ не пугнулъ по своему.

—Чего они такъ оралы? спросилъ я у него.

—Да вотъ васъ увидѣли и кричатъ, что русскій пріѣхалъ: имъ вѣдь здѣсь это за рѣдкость—и испугались. А эти болваны сидятъ и не смогутъ унять дѣтей! обратился онъ по адресу расположившихся группами у саклей взрослыхъ мужчинъ.

Я не поинтересовался узнать подробнѣе содержаніе привѣтствія ребятишекъ, но думаю, что оно заключало мало лестнаго для русскаго гостя.

Пріютомъ для ночлега намъ послужила сакля лѣснаго объѣздчика. Было всего около пяти часовъ и до вечера оставалось еще порядочно времени которое я и посвятилъ на осмотръ окрестностей.

Хуторъ Датыхъ (Нижній) состоитъ изъ 43 дворовъ. Населеніе его очень непостоянно: здѣсь временно селятся и жители окрестныхъ горскихъ обществъ, и плоскости, и даже сравнительно отдаленной части Тифлисскаго губерніи (изъ перваго участка Тіонетскаго уѣзда). Мѣстоположеніе хутора представляетъ высокій мысъ между рр. Джоломъ и Фортангой, сложенный цѣликомъ изъ наносныхъ отложений; послѣднія въ видѣ громадной толщи ясно обнаруживаются въ обрѣзѣ лѣваго берега Джола. Элементы, составляющіе формацію, почти лишены сцѣпленія, постепенно выпадаютъ и загромождаютъ русло значительной величины валунами; мелкіе-же камни и галька сносятся водою. Къ ущелью Джола и въ сторону хутора совершенно отвѣсно обрывается высокая скала—оконечность одного изъ отроговъ хребта Кори-ламъ. Насколько можно заключить по строенію скалы, эта часть горъ слагается въ своемъ основаніи изъ глинистыхъ сланцевъ

разныхъ оттѣнковъ, отъ желтаго до чернаго, надъ которыми лежитъ неправильною массою мелко-зернистый сѣрый песчаникъ, легко выветривающійся въ обнаженіяхъ. Въ правомъ берегу той-же рѣчки выступаютъ пласты мягкой черной глины и на поверхности ея бѣлымъ налетомъ проступаетъ соль; присутствіе послѣдней наблюдается и по склонамъ, окаймляющимъ лѣвую сторону Фортанги, гдѣ отъ самаго гребня и донизу видны громадныя оползни.

Главное занятіе жителей Датыха составляетъ выварка соли. Соляной источникъ находится на берегу р. Джола; это колодезь, до $1\frac{1}{2}$ кв. арш. поверхности, глубиною около 2 арш., въ который пущенъ дубовый срубъ. Разсолъ всегда держится на одномъ уровнѣ, даже въ томъ случаѣ, если его не вычерпываютъ; питается-же колодезь двумя бьющими со дна сильными ключами.

дѣйствовать было невозможно, и вотъ, выждавъ время, когда къ тестю пріѣхалъ въ гости его присяжный братъ, Белхарой отправилъ къ нему въ домъ жену, которая за хлѣбомъ-солью съумѣла, при посредствѣ гостя, выпросить у отца небольшой участокъ земли: вокругъ своего жилища въ собственность мужа^{*)}. Подарокъ, согласно обычаю, укрѣпили за новымъ владѣльцемъ въ присутствіи четырехъ постороннихъ свидѣтелей. Какова-же была ярость Гандалоя, когда онъ узналъ, что его хитро провели и онъ лишился цѣлаго богатства!... У бывшаго владѣльца возникла мысль отобрать подарокъ назадъ, и онъ, несмотря на данное присяжному брату слово, рѣшилъ забрать въ свои руки дорогую землю у коварной дочери и ея вѣроломнаго супруга. Возгорѣлась распря, чуть-ли не война; но Белхарой, какъ видно, предугадалъ напередъ послѣдствія своего ловкаго маневра: успѣлъ достаточно укрѣпиться въ башняхъ со своими родичами и отстоялъ свои владѣнія. Спустя нѣкоторое время спорный вопросъ о владѣніи Белхароя полученнымъ подаркомъ былъ предоставленъ разбирательству почетныхъ стариковъ-судей, и по ихъ рѣшенію даръ закрѣпленъ за новымъ владѣльцемъ; Гандалою-же, какъ льгота, было предоставлено право бесплатнаго пользованія источникомъ. Постороннія лица, желавшія заниматься вываркой соли, обязывались вознаграждать владѣльца одной седьмою частью добытаго ими продукта. Такой порядокъ пользованія богатствомъ Датыха соблюдался по отношенію уже къ потомкамъ Белхароя даже и послѣ покоренія края русскими вплоть до перехода земель въ вѣдѣніе Ставропольско-Терскаго Управленія Государственныхъ Имуществъ. Съ 1892 года датыхскій соляной источникъ состоитъ въ завѣдываніи Горнаго Управленія и вмѣстѣ съ отведенной подъ него площадью въ 10 дес. 300 кв. саж. сдается въ аренду; арендаторъ, обыкновенно, отъ себя, допускаетъ къ пользованію за плату всѣхъ, желающихъ заниматься вываркой, и, насколько мнѣ стало извѣстно изъ разспросовъ, получаетъ хорошій доходъ...

Солнце уже скрылось за возвышенностями лѣваго склона ущелья. Кое гдѣ замигали звѣзды. Надо было отправляться на хуторъ къ поджидавшему насъ чаю и ужину. Отъ развалинъ мы сбѣжали на остатокъ пролегавшей отъ источниковъ къ бывшей станицѣ Датыхской^{**)} колесной дороги и вскорѣ очутились подъ кровомъ пріютившей насъ сакли.

Съ восходомъ солнца 11-го августа я и мои спутники были уже на ногахъ. Въ этотъ день намъ предстояло пройти не менѣе 20—30 верстъ, причемъ, какъ рѣшено было наканунѣ, следовало итти не по самому ущелью Фортанги, а лѣсомъ, по сѣвернымъ свѣсамъ отроговъ хребта Кори-ламъ, подняться на этотъ хребетъ и по одной изъ тропъ по южнымъ его склонамъ спуститься къ селенію Цеча-ахи. Такой маршрутъ, хотя гораздо болѣе трудный и продолжительный, давалъ возможность довольно обстоятельно ознакомиться съ составомъ и состояніемъ лѣсовъ правой стороны ущелья, что главнымъ образомъ и составляло цѣль поѣздки.

Около восьми часовъ утра мы выступили изъ Датыха. По всѣмъ предположеніямъ, дорога была во всѣхъ отношеніяхъ неудобна для верховой ѣзды, и потому два объѣзчика

---

^{*)} У горцевъ существуетъ обычай, въ силу котораго данное гостю передъ трапезой обѣщаніе непременно должно быть выполнено хозяиномъ.

^{**)} Датыхская станица, нынѣ упраздненная, была расположена у хутора Верхній Датыхъ.

шли пѣшіе; багажъ мой и спутниковъ былъ далеко не сложный, и пара лошадей намъ вполне оказалась достаточна. Къ слову сказать, лошади при ѣздѣ по глухимъ горнымъ тропамъ подчасъ не столько облегчаютъ, сколько затрудняютъ путника, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ изъ-за нихъ приходится сильно беспокоиться...

Миновавъ башню Белхароя, тропа поворачиваетъ влево и углубляется въ молодой лѣсъ изъ бука, граба, липы, карагача съ примѣсью дуба и ясеня; подлѣсокъ составляютъ лещина, бересклетъ (*Evonymus Latifolia* Scop. и *E. europaea* L.), свидина (*Cornus canquinea* L.), мушмула (*Mespilus germanica* L.) и кизиль (*Cornus Mas* L.); здѣсь-же я замѣтилъ нѣсколько кустовъ жимолости и каприфоли (*Lonicera Xylosteum* L. и *Caprifolium* L.). Черезъ часъ мы вышли на поляну, до 15 дес. площадью, известную подъ названіемъ Гата-ирзау. На одной ея половинѣ уже стояли копны сѣна, а на другой еще только подкашивали траву. Нѣсколькими зигзагами тропа поднимается на террасовидныя повышения по полянѣ и опять исчезаетъ подъ сѣнью лѣса, гдѣ уже намъ встрѣчаются насажденія болѣе солиднаго возраста; чѣмъ дальше вверхъ и вглубь, деревья становятся крупнѣе, и вскорѣ вы попадаете въ совершенно дѣвственный лѣсъ, въ глушь. Лѣсные великаны, съ преобладаніемъ карагача, липы и ясеня, достигаютъ на высотѣ груди 15—25 вершковъ въ діаметрѣ, а царь всѣхъ окрестныхъ лѣсовъ—букъ ступевываетсл, является подмѣсью. Лишенные внизу вѣтвей, эти гиганты гордо возносятся къ небу свои зеленокудряя вершины; здѣсь они пока недоступны всеистребляющему топору человѣка, и вырастаютъ и умираютъ вполне предоставленные времени и стихіямъ: посмотришь кругомъ,—и нигдѣ не видно срубленнаго дерева, пня, а если и встрѣтишь трунь дерева, то только погибшаго вслѣдствіе своего преклоннаго возраста или же поваленнаго вѣтромъ. Молчаливъ и угрюмъ этотъ лѣсъ: лишь изрѣдка услышите дробное постукиваніе дятла, да тихое попискиваніе мелкихъ птишекъ; иногда безпокойная кукушка начинаетъ свой обычный счетъ, но, какъ-бы смутившись мертвой тишиною, смолкаетъ.

Представителями маммологической фауны этихъ мѣстъ являются дикія свиньи, медвѣди, козы, слѣды которыхъ мнѣ пришлось видѣть какъ на самой тропѣ, такъ и кое-гдѣ на осыпяхъ, по склонамъ мелкихъ балочекъ, спадающихъ къ ущельямъ Фортанги и Джола; затѣмъ слѣдуетъ еще упомянуть про куницу, за которою горцы никогда не прочь поохотиться ради дорого стоящей шкурки, и про оленей, почти совершенно исчезающихъ.

Довольно печальнымъ явленіемъ нужно считать здѣсь отсутствіе молодняковъ въ этихъ совершенно сомкнутыхъ, не пропускающихъ свѣта насажденіяхъ; живой покровъ почвы ограничивается нѣсколькими видами тайнобрачныхъ, кислицей и т. п.

Противъ хутора Верхній Датыхъ мнѣ пришлось наблюдать грандіозную картину обвала. Въ этомъ мѣстѣ хребетъ, по которому пролегалъ нашъ путь, сильно сдузился: съ восточной стороны подходила безыменная балка—притокъ р. Джола, съ западной—такая-же, спадающая къ Фортангѣ. Отъ крутыхъ склоновъ головища послѣдней, вслѣдствіе предшествовавшихъ обильныхъ дождей, отдѣлился пластъ почвы вмѣстѣ съ произраставшимъ на немъ крупнымъ лѣсомъ и слетѣлъ внизъ, въ котловину. При своемъ стремительномъ паденіи обвалъ, вѣроятно, увлекъ все попавшее ему на пути, и въ

общемъ получилось обнаженіе десятинь въ пять. Хаосъ произошелъ ужасный: обломки стволовъ деревьевъ, мощные пласты глинистаго сланца, составляющаго подпочву, и самая почва (суглинокъ) перемѣшались и, свергнувшись съ высоты нѣсколькихъ десятковъ сажень, образовали запруды у выхода котловинки въ узкую балку; дождевыя воды, не находя стока, скопились на днѣ котловинки и получилось озеро.

Пробираясь узкимъ гребнемъ, но скользкому глинистому грунту, мѣстами-же по крутымъ склонамъ безчисленныхъ балочекъ, а потомъ по загроможденному обломками известняковъ широкому хребту, мы всѣ шли пѣшіе. Наконецъ лѣсъ сталъ замѣтно рѣдѣть, тропа вынырнула на поляну у подножія Кори-лама. Отсюда начинался подъемъ по старой военной дорогѣ, шедшей отъ Верхняго Датыха на Мереджой. Грязь и выбоины настолько затрудняли путь, что послѣ нѣсколькихъ поворотовъ опять пришлось слѣзть съ лошадей, силы которыхъ надо было сохранять на предстоящій продолжительный путь.

Отъ подножія хребта и почти до самаго его гребня широкой полосой раскидываются насажденія высокогорнаго клена (*Acer Trautvetteri* Nedw.), и на фонѣ зеленой листвы ярко вырисовывались его красныя сѣмненные крылатки. Уже ближе къ вершинѣ, по опушкамъ, стала встрѣчаться рябина (*Sorbus aucuparia* L.) съ пышными гроздьями плодовъ, бѣлая ольха и ива. Ровно черезъ шесть часовъ пути мы ступили на гребень Кори-лама.

Хребетъ Кори-ламъ сложенъ изъ твердыхъ известняковъ. Та часть его, гдѣ мы стояли, представляла узкую полосу, по которой протягивались выступы мощныхъ пластовъ основной породы, а масса обломковъ разной величины укрывала все свободное пространство. Растительность здѣсь почти отсутствуетъ, если не считать рѣдкой травки, пріотившейся въ разсѣлинахъ скаль. Въ бщемъ хребетъ имѣетъ направленіе отъ р. Фортанги, къ ущелью которой онъ обрывается отвѣсными уступами, съ СЗ. на ЮВ. и въ главной своей массѣ оканчивается у правыхъ истоковъ р. Джола. Наивысшая точка его по картамъ одноверстной съемки Кавказскаго Военно-Топографическаго Отдѣла 1889 г. значится въ 816,28 саж. (5713,96 фут.) и этой высоты достигаетъ древесная растительность по сѣверному склону хребта. Несмотря на незначительную сравнительно высоту, этотъ пунктъ прекрасенъ для наблюдений: отсюда на юго-западъ видна частичка Лысой горы близъ гор. Владикавказа, а къ сѣверу, западу и востоку разстилается волнообразная поверхность лѣсистыхъ хребтовъ со всѣми ихъ деталями; только къ югу кругозоръ сокращается заслоняющими даль горными массивами.

Было уже около двухъ часовъ дня. Усталость и пустота желудковъ напоминали о времени отдыха. Вершина хребта, за отсутствіемъ воды и корма, нашимъ конямъ для привала не годилась, слѣдовало спуститься къ подножію южныхъ склоновъ. Когда мы уже готовились покинуть гребень, надъ нашими головами далеко въ вышинѣ проплыла стая журавлей; этихъ первыхъ вѣстниковъ приближающейся осени въ текущемъ году ни я, ни кто либо изъ моихъ спутниковъ не видѣлъ... и грустно почему-то стало на душѣ...

Спускъ до небольшой долинки, въ глубинѣ которой брала начало рѣчка Сенгельхи^{*)}, занялъ немного времени; сойдя на дно долины, тропа круто поворачиваетъ вправо и направляется вдоль хребта на западъ. Здѣсь, у выбивавшагося изъ небольшого грота

---

^{*)} Мѣстное названіе. На одноверстной картѣ эта рѣчка показана, но не поименована; въ дословномъ переводѣ значить *сѣрная вода*.

ручья, рѣшено было остановиться.

Подкрѣпившись немного, я, пока мои спутники совершали намазъ, отправился осмотрѣть стоявшій невдалекѣ могильникъ. Древняя постройка хорошо сохранилась; стѣны ея сложены изъ отесанныхъ обломковъ известняка на цементѣ и имѣютъ по 5 аршиновъ длину. Крыша каменная, сведена пирамидой, на верху которой красуется конусообразный камень. Внутри черезъ отверстія видна трехъ-ярусная настилка изъ досокъ; но сохранившимся на среднемъ ярусѣ остаткамъ человѣческихъ костяковъ, грубой работы деревянному гробу (или дѣтской колыбели) можно заключить о назначеніи этихъ помѣщеній. На верхнемъ ярусѣ никакихъ остатковъ нѣтъ, хотя досчатая настилка вполнѣ сохранилась; нижній-же этажъ совершенно разрушенъ и подъ нимъ на полу могильника гряда различныхъ частей скелетовъ, гробикъ, клочки бумажныхъ матерій; и кусокъ деревянной чашки. Каждый этажъ имѣетъ отдѣльное входное отверстіе, куда можетъ пролѣзть ползкомъ человѣкъ. Противъ этого могильника находится другой, напоминающій видомъ своимъ склепъ; какихъ-либо остатковъ я въ немъ не замѣтилъ. По соседству, имѣются и развалины древней башни. Собрать какія нибудь свѣдѣнія о всѣхъ этихъ памятникахъ прошлаго мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось: изъ всѣхъ моихъ попытокъ въ этомъ отношеніи я только и смогъ узнать, что башня носить названіе *Кори*, а дальнѣйшее такъ и осталось покрытымъ мракомъ неизвѣстности.

Южные склоны Кори-лама прикрываются представителями субъ-альпійскихъ травъ и куртинками азалеи (*Azalea pontica*); правая-же сторона долины истоковъ р. Сенгель-хи изобилуетъ высоко растущими бурьянами, между которыми господствуетъ конскій щавель (*Rumex*). Въ полуверстѣ отъ могильника долина переходитъ въ узкое боковое ущелье, по которому и стремится рѣчка въ крутыхъ скалистыхъ берегахъ; дно ея имѣетъ значительное паденіе, усѣяно обломками известняковыхъ пластовъ, а мѣстами падаетъ красивыми каскадами съ высокихъ пороговъ, образованныхъ выступами скалъ. Отъ входа въ ущелье начинается крупный лѣсъ изъ карагача, ясеня, клена, липы, бука, по пригрѣвамъ растутъ дубъ, а по дну—стройные экземпляры черной ольхи.

Крутой спускъ приводитъ васъ къ ложу рѣчки, и затѣмъ тропинка зигзагами взбирается на лѣвые склоны; рѣчка уходитъ глубже на дно ущелья и, несмотря на свои скромныя воды, производитъ порядочный шумъ. Вскорѣ едва намѣченная тропа переходитъ на узкій карнизъ, непосредственно отъ котораго въ сторону рѣчки обрываются почти отвѣсныя покатости, а влѣво вздымаются утесы. Мѣстами карнизъ до того суживается, что каждый невѣрный шагъ можетъ повлечь за собою весьма печальныя послѣдствія. Мы шли гуськомъ: впереди пѣшій объѣздчикъ, за нимъ Ханіевъ съ лошадыю въ поводу, еще одинъ съ моею лошадыю, а я замыкалъ шествіе. Шумъ рѣчки уже едва долеталъ до насъ, переходя въ какіе-то неясные звуки. Кое-гдѣ черезъ тропу перебѣгаютъ говорливыя ручейки, быстро-быстро стремящіяся внизъ, къ ущелью. Навстрѣчу намъ попался пѣшій парень-туземецъ съ котомкой за плечами. Онъ шель на луга, къ пастухамъ.

—Абуль! спроси-ка его, далеко-ли еще продолжится такая тропа? сказалъ я Ханіеву.

Изъ полученнаго отвѣта можно было заключить, что съ лошадыми будетъ пройти трудно, такъ какъ послѣ сильныхъ дождей тропу мѣстами сорвало. Дѣйствительно, намъ

приходилось двигаться положительно черепашым шагом, иногда наугад: тропа становилась еле-еле замѣтной.

Остановившись немного передохнуть, мы вдруг услышали далеко внизу стук топора; я взял своего коня у объѣздчика и послал его узнать, кто и что там рубить. Производить здѣсь порубку могли только цечаахинцы, почему я и приказалъ объѣздчику привести молодцовъ къ намъ: «въ компаніи все же веселѣй будетъ», пошутилъ я.

Посланный быстро исчезъ, точно провалился въ ущелье, а мы пошли тихонько впередъ. Выдавшійся въ ущелье обрывистый выступъ склона съюзилъ тропу до невозможности; только что передовой обогнулъ его, какъ шедшій впереди меня съ лошадью старшій объѣздчикъ остановился.

—Что тамъ? что случилось? спросилъ я.

Мои спутники начали о чемъ-то переговариваться и послѣ короткой паузы я получилъ отвѣтъ: «дороги дальше нѣтъ, тропа обрушилась. Посмотрите сами, пойдетъ-ли вашъ конь,—мѣсто очень опасное!»...

Кое-какъ, придерживаясь за кусты и выступы камней, я пробрался впередъ и увидѣлъ непривлекательную для насъ картину: путь пересѣкала своимъловищемъ небольшая балка съ крутыми боками и дномъ, которое тутъ-же переходило въ обрывъ. Изъ-подъ верхняго уступа выбивался обильный ключъ и аршинахъ въ двухъ отъ выхода сбрасывался каскадомъ въ ущелье; въ довершеніе затрудненія, и продолженіе тропы за балочкой перегораживалось двумя вывернутыми съ корнями деревьями и какъ-нибудь миновать ихъ, имѣя лошадей, было невозможно за крутизной склоновъ. Положеніе было совсѣмъ не изъ завидныхъ: итти назадъ немислимо, такъ какъ повернуть на узенькомъ карнизѣ лошадь значило спустить ее въ пропасть; ни топора, ни лопаты съ нами не имѣлось. Единственнымъ орудіемъ могли служить кинжалы объѣздчиковъ, да что ими тутъ можно сдѣлать?... На наше счастье, поверхность боковъ балочки составляли мягкіе глинистые сланцы, и вотъ мы всѣ принялись съ помощью кинжаловъ и деревяннаго кола буквально выковыривать тропочку, дабы дать возможность лошадямъ поставить ноги на ровную площадку. Возвратившійся объѣздчикъ, что ходилъ на стукъ топора, поймалъ порубщика, и его преступное орудіе намъ, какъ нельзя лучше, пригодилось. Провозились мы надъ такой работой около часа, но все-же благополучно прошли это скверное мѣсто.

Въ пять часовъ вечера подъ густымъ шатромъ деревьевъ уже, наступали полныя сумерки, а мы еще около часа принуждены были двигаться тихимъ маршемъ по тропѣ и вздохнули съ облегченіемъ, когда наконецъ вышли на поляну Мештъ; отсюда намъ предстоялъ путь по гребню, сбѣгающему къ главному ущелью по открытой мѣстности.

На полянѣ Мештъ имѣется группа старинныхъ башенъ; пять изъ нихъ, служившихъ жилищами, трехъ-этажныя и одна—сторожевая—въ шесть этажей. Верхнія бойницы ея обвалились. Всѣ постройки сгруппированы такъ, что образуютъ въ нѣкоторомъ родѣ цитадель съ сторожевой башней въ углу. По преданіямъ, въ этихъ твердыняхъ жилъ карабулакъ по имени Машай, о дальнѣйшихъ потомкахъ котораго, какъ равно и его прошломъ, никакихъ легендъ, и сказаній у туземцевъ не сохранилось.

Отъ поляны нашъ путь пошелъ по перелѣскамъ изъ дикихъ яблонь, грушъ, мушмулы, рябины; встрѣчались куртины черной и бѣлой ольхи солидныхъ размѣровъ. Выше, по ущелью Фортанги, по юго-западнымъ и западнымъ склонамъ зеленѣли дубовыя насажденія.

Ровно въ 7^{1/2}, часовъ вечера мы прибыли въ селеніе Цеча-ахки (хуторъ Серали), пробывъ въ пути около 12 часовъ, причемъ на переходъ отъ хребта Кори-ламъ, не болѣе какъ 10—12 верстъ, употребили пять часовъ.

Селеніе состоитъ всего изъ восьми дворовъ; все это чистенькія постройки, по большей части крытыя черепицей. Расположено оно на днѣ просторнаго въ этомъ мѣстѣ ущелья ниже селенія скалы съ обѣихъ сторонъ такъ близко подступаютъ къ Фортангѣ, что получается гигантская трещина, входъ въ которую загромождается обломками и валунами. Вскидывая высоко сѣдя гривы, страшнымъ шумомъ вливается въ этотъ проходъ рѣка и течетъ такъ на протяженіи 2—3 верстъ; на всемъ этомъ пространствѣ существуетъ лишь пѣшеходная тропа, да и по ней можно ходить съ осторожностью и опаской; ѣздить-же дорогою по лѣвымъ возвышенностямъ.

Составляя часть Мереджоевскаго старшинства или общества Мереджи (6-й участокъ Грозненскаго округа), селеніе Цеча-ахки имѣетъ въ своемъ распоряженіи покосы и пастбища частью по южнымъ свѣсамъ хребта Кори-ламъ въ предѣлахъ долины верховьевъ р. Сенгель-хи, а также незначительныя лѣсныя поляны по склонамъ, обрамляющимъ правую сторону р. Фортанги и нижнюю часть—выходъ ущелья р. Мереджи. Удаленныя отъ селенія, всѣ эти угодыя представляютъ, въ отношеніи пользованія ими, большія неудобства вслѣдствіе отсутствія дорогъ и топографіи мѣстности; скотоводства, въ полномъ значеніи слова, здѣсь нѣтъ, количество скота у цечаахкинцевъ весьма ограничено. Заготавливаемое на зиму сѣно скармливается на мѣстѣ, для чего по покосамъ устраиваются зимовники (кутаны). Пригодныхъ для распашки земель почти нѣтъ: для этой цѣли служатъ небольшіе участки (не болѣе ¹/₂ дес. на домохозяина) вокругъ селенія, засѣваемые кукурузой; жители арендуютъ подъ распашку землю на сторонѣ.

Богатыя лѣсомъ окрестности селенія даютъ подходящія условия для занятія жителей этого рода промысломъ, тѣмъ болѣе, что отъ Цеча-ахки пролегаетъ хорошая колесная дорога въ сосѣднее ущелье р. Ассы—на Алкунъ и Галашки, а оттуда во Владикавказъ. Предметомъ вывоза служатъ исключительно цѣнные породы: карагачъ, ясень, липа и дубъ; послѣдній преимущественно вывозится раздѣланнымъ въ бочарныя трости, а первыя—бревнами.

Когда утромъ слѣдующаго дня я вышелъ во дворъ, правые склоны ущелья еще находились въ тѣни и лишь на гребняхъ лѣвыхъ хребтовъ играли первые лучи. Солнце еще не выплыло на небосклонъ. Рѣзко вырисовываясь на прозрачномъ голубомъ небѣ, на югѣ вздымались вершины Цори-лама, а немного восточнѣе громада уже знакомаго мнѣ Муйты-кера. Ближайшіе къ селенію скаты тонуть въ зелени лѣсовъ и ими-же покрыто все пространство къ югу.

Распростившись съ радушнымъ хозяиномъ дома, мы послѣ чая выстпили изъ селенія.

Черезъ полъ-часа ѣзды по направленію старой военной дороги (обрывки ея кое-гдѣ существуютъ и теперь) мы выѣхали на поляну Дуку-эмеришки (*много кладбищъ*); здѣсь сохранились развалины двухъ жилыхъ башенъ, высокій—пирамидой—могильникъ и множество могильныхъ бугровъ. Мѣстность эта была заселена карабулаками рода Цечой.

Подъ сверкавшими на солнцѣ косами ложились ряды сочной густой травы. Косари тянули заунывную горскую пѣсню.

Слѣдуя изгибамъ склона, дорога, подъ шатромъ ясеней, дубовъ, карагачей, липы и друг., поднималась все выше и выше. Ущелье Фортанги отходило къ западу, и мы постепенно втягивались въ широкую долину ея праваго притока—р. Мереджи; у мѣстныхъ горцевъ эта рѣчка только въ верхней своей части извѣстна подъ такимъ названіемъ, а ниже сел. Мереджи она зовется *Фортанъ-чу*. Главная-же рѣчка, выше слиянія ея съ р. Мереджи, называется *Хай-хи*, по имени селенія, вблизи коего беретъ свое начало.

Вступивъ окончательно въ предѣлы Мереджоевскаго ущелья, дорога скоро выходитъ изъ лѣсной полосы. Передъ путникомъ открывается широкая долина, обставленная съ сѣвера отрогами Кори-лама, съ юга—Муйты-кера и Цори-лама; на востокѣ долина замыкается рядомъ невысокихъ холмовъ на водораздѣлѣ бассейновъ рр. Фортанги и Гехи. По возвышеннымъ мѣстамъ этой долины тамъ и сямъ вырисовываются остатки былого—древнія башни, которыми въ общемъ очень богато современное намъ Мереджоевское общество; инья изъ нихъ и теперь обитаемы: такъ, въ одной живетъ карабулакъ Кайваръ Журдіевъ—последній могиканъ бывшей нѣкогда многочисленную фамиліи, члены которой частью перемерли, а больше переселились въ Турцію по плѣненіи Шамиля. Журдіевы въ окрестныхъ мѣстахъ славились въ свое время свиноводствомъ: для свиней, говорятъ, въ нижнемъ этажѣ одной изъ башенъ у нихъ имѣлся хлѣвъ; конечно, такое нечистое, по понятіямъ мусульманъ, животное могло быть терпимо до распространенія между туземцами ислама, когда населеніе страны еще пребывало въ язычествѣ.

Обиліе остатковъ древнихъ построекъ, могильниковъ-пирамидъ и могильныхъ бугровъ въ ущельѣ должно, несомнѣнно, указывать на значительность населенія страны въ прошломъ. Кто-же здѣсь жилъ и куда дѣвались эти аборигены?... Собранныя мною по этому вопросу свѣдѣнія хотя не даютъ яснаго освѣщенія прошлаго, но тѣмъ не менѣе я считаю не бесполезнымъ ихъ привести. Насколько сохранилось въ памяти стариковъ-туземцевъ, представляющихъ отпрыски господствовавшего въ странѣ населенія, здѣсь жили карабулаки. «Буйный, безпокойный и очень храбрый былъ народъ», говорятъ о нихъ ихъ западные сосѣди-ингуши, какъ извѣстно, еще и въ наше время не могущіе назваться спокойнымъ элементомъ. Имѣя большое родство по коренному языку съ ингушами съ одной стороны и съ чеченцами съ другой, карабулаки постоянно безпокоили своихъ сосѣдей набѣгами, угоняли скоть и уводили плѣнныхъ, за которыхъ и брали послѣ выкупу. Территорія ихъ обнимала главнымъ образомъ описываемое и сосѣднія ущелья верхняго бассейна Фортанги, частью они занимали глухія боковыя ущелья въ нижнихъ частяхъ (какъ поляна Сала-ирзау, упомянутая раньше), а также и на плоскости—между рр. Фортангой и Сунжей до впаденія въ послѣднюю р. Ассы.

По существующимъ преданіямъ, въ очень отдаленномъ прошломъ въ странѣ свирѣпствовала какая-то болѣзнь, отъ которой люди умирали по-множествѣ. Къ этому времени относятъ постройку пирамидъ-могильниковъ. Заболѣвавшіе или приходили сами, или были приносимы въ эти ужасные помѣщенія, располагались на помостахъ и дожидались смерти. Сюда-же женщины приносили дѣтей вмѣстѣ съ колыбелями. Послѣ

этого мора немного уцѣлѣло буйныхъ карабулаковъ. Наставшее позднѣе время газавата тоже унесло немало храбрецовъ, а послѣ взятія края русскими неуживчивые даже и со своими сосѣдями карабулаки покинули страну и переселились въ Турцію. Тѣ-же изъ нихъ, которые не пожелали покинуть родину, разсѣяны теперь среди чеченцевъ и ингушей въ плоскостныхъ аулахъ и лишь немногіе живутъ на пепелищахъ своихъ предковъ. Часть ушедшихъ въ Турцію карабулаковъ спустя нѣкоторое время вернулась на родину и поселилась въ горахъ Малой Кабарды, образовавъ ауль Сагопшъ.

Черезъ два часа пути передъ нами заблѣлись постройки главнаго пункта старшинства—селенія Мереджи. Насъ встрѣтил старшина (Муса Алиевъ) и радушно поздравилъ съ нрѣздомъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій онъ высказалъ свое удовольствіе по поводу моего прибытія въ ихъ мѣста (я познакомился со старшиной случайно въ одну изъ своихъ прежнихъ поѣздокъ) и убѣдительно просилъ погостить у него. Въ мои планы входило возможно подробное ознакомленіе съ окружающими мѣстами, почему я поспѣшилъ согласиться на любезное предложеніе хозяина. Насъ пригласили въ кунацкую, угостили чаемъ и закуской, послѣ которой мы отправились по окрестностямъ.

Противъ селенія открывается выходъ ущелья р. Газганъ-чу - притока Мереджи. Разказы моего спутника Ханіева о красоте ущелья Газганъ-чу настолько меня интересовали, что я, находясь теперь вблизи него, не могъ не побывать тамъ. Да кромѣ того слѣдовало взглянуть и на р. Мереджи-хи, которой я еще собственно не видѣлъ: она течетъ слишкомъ далеко отъ дороги селенія въ глубокомъ ложѣ.

Чтобы попасть въ ущелье Газганъ-чу, надо предварительно спуститься на дно долины Мереджи-хи; правый склонъ ея, от селенія, идетъ большими уступами, вначалѣ округлыми, по которымъ разбросаны небольшія кукурузныя поля и огороды; ближе къ рѣчкѣ террасы становятся крутыми, обрывистыми. На одной изъ нихъ одиноко стоитъ пирамидальный могильникъ. Прочная постройка почти нисколько не тронута временемъ и непогодаю на наружныхъ стѣнахъ ея вполнѣ сохранилась побѣлка. Какихъ-либо остатковъ въ этомъ могильникѣ, однако, не сохранилось: говорятъ, что все содержимое пирамиды было сожжено полчищами Шамиля, предавшими разрушенію и многія башни—убѣжище и оплотъ былого мѣстнаго населенія за непокорность прославленному имаму.

Любуясь видами ущелья Газганъ-чу, нельзя не пожалѣть что не имѣешь съ собою фотографическаго аппарата: съ каждаго поворота здѣсь открываются картины, по красотѣ и своему дикому величію способныя привести въ восторгъ и довольно равнодушнаго зрителя; грандіозныя отвѣсныя скалы теряются въ недосягаемой выси, образуя собою корридоры не болѣе 20—30 сажень шириною. Въ одинъ изъ нихъ, съ высоты не менѣе 50 сажень, свергается водопадъ изъ узкой разсѣлины. Какую-же картину должно представлять это ущелье послѣ ливня, когда дно его сплошь заполняется водами рѣчки Газганъ-чу, по силѣ стремленія уоторой можно судить по внушительнымъ размѣрамъ деревьевъ, принесенныхъ половодьями!...

Лѣса въ этомъ урочищѣ состоятъ изъ мощныхъ представителей высокоствольныхъ ясеней, карагачей, липы; букъ, грабъ и ольха встрѣчаются рѣдко или въ одиночку, или куртинами; подлѣсокъ формируется изъ лещины, бересклета, бузины

(*Sambucus nigra* L.). Рѣчка Газганъ-чу беретъ начало въ складкахъ сѣверо-западнаго склона г. Мунты-керь. Ущелье ея обрамляютъ съ правой стороны отроги той-же горы въ верхней и г. Борзанты въ нижней части, а съ лѣвой—отроги первой, несущіе довольно значительную скалистую вершину Газгунъ-корть^{*)}. На югѣ, замыкая собою ущелье, гордо высится массивъ Муйты-кера, спадающій съ СЗ. громадными уступами, испещренными кое-гдѣ скалистыми обнаженіями.

Являясь господствующей высотой въ прилегающей горной части, гора Муйты-керь играла въ историческомъ прошломъ края значительную роль. Въ Мереджѣ мнѣ пришлось слышать повѣствованіе, которое я привожу со словъ рассказчика, мѣстнаго старожила. Съ незапамятныхъ временъ до появленія Шамиля и даже при немъ каждый родъ горцевъ жилъ отдѣльно, имѣлъ свои пашни, свои владѣнія, и по нимъ никто не могъ проходить безъ позволенія главы фамиліи свободно, безопасно. Недостатка въ храбрыхъ молодцахъ тоже не было, а занятіе ихъ извѣстное: налетятъ какъ вѣтеръ, пограбятъ, захватятъ кого повиднѣе въ плѣнъ? ются такъ-же быстро, какъ и появились, а потомъ за плѣнныхъ требуютъ съ родственниковъ выкупъ. Для рѣшенія всякихъ спорныхъ дѣлъ и установленія условій собирались въ то время наши почетные старики—представители племенъ ингушей, карабулаковъ, чеченцевъ, мелхастинцевъ и даже отдаленные тушинцы и хевсуры пограничной горѣ (Муйты-керь). Со стороны Аккинскаго общества на склонѣ этой горы есть большой плоскій камень, который служилъ какъ-бы трибуной для предсѣдателя такихъ совѣщаній представителей, а имя его было Муйты. Предметомъ занятій совѣщанія бывало установленіе цѣны на выкупъ плѣнныхъ, платы за охрану во время переходовъ по районамъ чужихъ племенъ, цѣны на скоть и т. п.; о времени собранія члены оповѣщались заблаговременно. Муйты, какъ самому умному, опытному въ дѣлахъ вліятельному человѣку, предоставлялось право согласиться или отвергнуть постановленіе совѣта.

Согласіе онъ выражалъ взятіемъ себя за носъ и уши, а отрицаніе вставаніемъ на ноги на камнѣ. Въ послѣднемъ случаѣ представители обязывались пересмотрѣть вопросъ снова и рѣшить его иначе или непосредственно, или-же по указанію своего предсѣдателя—Муйты. Утвержденные постановленія совѣтовъ были обязательны для членовъ всѣхъ племенъ и исполнялись безпрекословно.

Общество Мереджи составляютъ селенія Верхній и Нижній Гяритъ, Халхарой и центръ его—Мереджой и Цеча-ахки, дающій въ общей сложности 67 дворовъ. По близости лѣса и удобства доставки матеріаловъ мереджоевцы находятся въ несравненно лучшихъ условіяхъ, нежели ихъ сосѣди—ялхаройцы и аккинцы, почему здѣсь преобладаютъ деревянные постройки. Въ отношеніи сельскохозяйственныхъ угодій описываемый районъ обставленъ такъ же очень недурно: въ распоряженіи 59 дворовъ (исключая с. Цеча-ахки) старшинства состоятъ нагорные луга и поляны по обѣ стороны р. Мереджи до водораздѣла (на востокѣ), представляющая перемычку между гг. Борзанты и Гилла-корть, и отъ послѣдней по возвышенностямъ, обрамляющимъ верховья рр. Нитхой и Чо? (лѣвый притокъ первой), до хребта Кори-ламя съ частью южнаго его склона.

---

^{*)} На односторонней картѣ съемки 1887 п 1888 гг. эта вершина значится, надо полагать, подъ именемъ скалы Майты-хоръ (1275 с.=8925 ф.).

Жители занимаются главным образом овцеводством. Несмотря на то, что в прошлые времена (еще на памяти современных стариков) хлѣбопашество в чертѣ земель общества стояло в ряду главных занятій жителей, что доказываютъ сохранившіеся и понынѣ слѣды загоновъ—пахатныхъ участковъ, этотъ родъ хозяйства теперь заброшенъ; причиной тому служить, по отзывамъ самихъ-же поселянъ, нежеланіе приложить трудъ къ удобренію полей и, главнымъ образомъ, къ охранѣ посѣвовъ отъ бродячаго безъ присмотра скота. А вѣдь обнести изгородью пашню имѣя подъ руками къ тому всякій матеріаль, не такъ ужъ трудно и, во всякомъ случаѣ, гораздо легче и удобнѣе, чѣмъ доставлять съ плоскости хлѣбные продукты по мѣстности, не могущей хвастаться сносными хотя-бы и выючными дорогами. Къ слову ?детъ упомянуть, что Мереджи находится вѣ очень благоприятныхъ климатическихъ и гидрографическихъ условіяхъ для занятія не только хлѣбопашествомъ, но и садоводствомъ: съ сѣвера оно защищается значительными высотами Кори-лама и Мордъ-лама; холоднымъ теченіемъ, могущимъ проникать сюда отъ льдовъ и снѣговъ Главнаго хребта, препятствуютъ гг. Борзанты, Муйты-керъ и цѣлая вереница другихъ съ ними связанныхъ массивовъ. Широкая долина эта обильно освѣщается солнцемъ, а по пригрѣвамъ здѣсь и зимой бродитъ скотъ на подножномъ корму, такъ какъ на нихъ снѣгъ быстро стаиваетъ. О влагѣ и говорить нечего: ни вѣ атмосферныхъ осадкахъ, ни вѣ ручьяхъ недостатка нѣтъ. И вотъ потому какъ-то обидно видѣтъ, что кромѣ небольшихъ клочковъ кукурузы при усадьбахъ да картофеля ничего не воздѣлывается, а распорядители столь благодатной мѣстности или живутъ впроголодь, или тащатся за тридевять земель, чтобы оттуда на выюкахъ привезти нѣсколько мѣръ кукурузы по убійственнымъ дорогамъ, иногда вѣ холодъ и непогоду, когда дома у нихъ, быть можетъ, тепло, и солнце свѣтитъ, и всего-бы было вдоволь, еслибъ не лѣнь, не невѣжество и...

Но довольно о печальныхъ явленіяхъ жизни нашего вольнолюбиваго и безшабашнаго горца! Пока не ушло еще дневное свѣтило, пойдемъ взглянуть на отрадное проявленіе вѣ ихъ темной средѣ. Вѣ селеніи Мереджи, когда я возвращался изъ ущелья Газганъ-чу, меня пригласили зайти къ тамошнему жителю Доуть-Гирею Доуеву. По высокой и крутой лѣстницѣ, придерживаясь за, вбитые вѣ стѣну колья, мы взобрались вѣ верхній этажъ ставной башни, приспособленной ея теперешними владѣльцами для жилья. Передъ входомъ вѣ комнату узенькій висачій балконъ, съ котораго я взглянулъ внизъ и... пріятно былъ удивленъ: по склону около башни былъ разбитъ крохотный садикъ; нѣсколько грушъ, яблонь и группа сливъ гнулись подъ тяжестью плодовъ. Конечно, я захотѣлъ поближе ознакомиться съ такимъ, впервые встрѣченнымъ мною вѣ горахъ занятіемъ. Немного погодя мы уже спускались внизъ и, перескочивъ плетневый перелазъ, очутились вѣ саду. Яблони оказались нѣсколькихъ сортовъ, но съ мелкими плодами, и лѣтнія груши; сливы—изъ тѣхъ, что главнымъ образомъ разводятся вѣ садахъ плоскостной Чечни. За недостаткомъ мѣста деревца насажены очень близко другъ къ другу. Обходя садикъ, я наткнулся на еще большую диковинку—на молодое деревцо грецкаго орѣха (*Juglans regia* L.). На мой вопросъ, какимъ путемъ этотъ гость попалъ вѣ его садикъ, хозяинъ отвѣтилъ, что вырастилъ его изъ плода—орѣха; яблони, груши и сливы онъ привозилъ на выюкахъ съ плоскости облагороженными молодыми деревцами, и черезъ три года труды его увенчались полнымъ успѣхомъ: садъ даетъ изъ года

въ годъ обильные и вкусные плоды. Главный уходъ сводится къ охранѣ отъ побиванія цвѣта весенними заморозками; для этого деревца обкладываютъ толстыми слоями снѣга и не даютъ имъ рано зацвѣтати. Здѣсь съ-же, въ саду грядка рѣдкихъ, пышный кустъ земляной груши. Да проститъ мнѣ читатель, что я отнимаю у него время, удѣливъ такъ много мѣста описанію маленькаго садика: мнѣ хочется привести лишь доказательство, что заниматься садоводствомъ здѣсь съ вполне возможно. Да стоитъ обратить вниманіе на массу дикорастущихъ фруктовыхъ деревьевъ по склону долины, чтобы заключить о подходящихъ для того условіяхъ. Къ несчастью, усадьбы въ селеніи очень малы, постройки скучены, и нашъ пионеръ-садоводъ не можетъ развернуться. На мой совѣтъ занять для сада мѣсто въ сторонѣ, ниже селенія, онъ покачалъ головой и отвѣтилъ, что изъ этого толка не будетъ, такъ какъ не только не останется плодовъ, да и сами деревья едва-ли уцѣлѣютъ. Пожелавъ хозяину счастливаго успѣха въ дальнѣйшемъ, я отправился въ кунацкую старшины.

Солнце окончило свой дневной путь и скрылось. На темно-синемъ небѣ зажигались звѣзды. Залегавшія на вершинѣ Муйты кера облачка какъ-то незамѣтно исчезли, точно растаяли. Выплывшая изъ-за горъ луна залила все своимъ блѣдно-серебристымъ фантастическимъ свѣтомъ; какая очаровательная картина открывалась подъ нимъ глазамъ зрителя!... Горные массивы одинъ выше другого разбѣгаются во всѣ стороны; покрытыя субъ-алпійскими лугами ихъ вершины подъ луннымъ свѣтомъ стоятъ, точно великаны съ обнаженными головами, какъ-будто чему-то внимаютъ, къ чему-то прислушиваются. А по ребрамъ ихъ, по безчленнымъ горбамъ и складкамъ, куда ни кинешь взглядъ, темнѣютъ густолиственные лѣса. Снизу, изъ глубокихъ тѣнинъ, съ порывами легкаго вѣтра доносится немолчный шумъ быстро-быстро бѣгущихъ водъ. В самомъ воздухѣ, кажется, разлито что-то живительное, бодрящее, что можно только чувствовать, но трудно назвать - подчинить какому-либо изъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ. Вотъ такъ-бы и сидѣлъ подъ открытымъ небомъ, созерцалъ и наслаждался, но... житейская проза прервала ваши улетѣвшія, быть можетъ, елишкомъ высоко для обыкновеннаго смертнаго мечты: насъ зовутъ въ саклю откушать!

Въ наше отсутствіе одна изъ хозяекъ дома занималась въ кунацкой плетеніемъ циновки (по-чеченски *эрге*). Мы застали въ саклѣ деревянную раму съ натянутой основой изъ шерсти (иногда замѣняется пенькой), а уткомъ служатъ стебли какого-то высоко-растущаго кислаго злака, который по отцвѣтаніи собирается на кочевникахъ, разбросанныхъ въ углубленіяхъ почвы по дну долины. Циновки иногда украшаются несложными крашеными узорами.

Утро слѣдующаго дня встрѣтило насъ не совсѣмъ привѣтливо: на сѣверо-западной сторонѣ горизонта скопились массы облаковъ и отдѣльные обрывки ихъ уже тянулись къ горамъ. Надо было торопиться, чтобы за погоду пройти незнакомыя мнѣ мѣста **Харонскаго** старшинства. Еще съ вечера мы позаботились о лошадяхъ и теперь двинулись въ путь всѣми верхами, нанутствуемые добрыми пожеланіями хозяина и его домашнихъ. Отъ Мерджоя къ Ялхарю идетъ хорошая верховая тропа—остатокъ нѣкогда проложенной русскими войсками дороги; открытая, съ **Химь** рельефомъ мѣстность для звѣзды не представляетъ никакихъ препятствій. Поднимаясь къ перевалу по правымъ возвышенностямъ надъ глубокимъ ложемъ р. Мереджи, тропа пересѣкаетъ нѣсколько балокъ, спадающихъ къ ущелью. Главная артерія долины беретъ начало цѣлою съ етью ручьевъ въ складкахъ **Борзанты**. Въ сторонѣ мелькнули постройки и башни Нижняго и Верхняго Гярита, Халхароя; противъ послѣдняго, влѣво отъ насъ, въ обрѣзѣ

скалистаго выступа обращаетъ вниманіе рядъ пещеръ (я насчиталъ ихъ болѣе двадцати), по рассказамъ, служившихъ жилищами для людей очень отдаленной эпохи.

Въ общемъ путь не представляетъ чего-либо особеннаго: главное мѣсто занимаютъ покосы и пастбища мереджоевцевъ, которые часть своихъ угодій сдаютъ, за избыткомъ, сосѣднимъ обществамъ. Бороздящіе въ разныхъ направленіяхъ долину овраги драцируются лѣсомъ изъ ольхи, ясеня и карагача, а по мѣрѣ приближенія къ перевалу начинаютъ встрѣчаться островки вербы, рябины, низкорослой березы и, наконецъ, азалеи. Но вотъ и перевалъ: онъ является широкой грядой холмовъ съ округлыми **покатостями**, которые, направляясь къ сѣверо-востоку отъ г. Борзанты, незамѣтно сливаются съ юго-западными отрогами г. **Гиллакорть**.

На перевѣздѣ отъ с. Мереджи до перевала мы употребили всего три часа. Погода не на шутку измѣнилась къ худшему, и вскорѣ вся окрестность потонула въ густыхъ массахъ облаковъ. Бывшіе на насъ легкіе костюмы подъ напорами холоднаго сѣверо-западнаго вѣтра заставляли уже насъ пожиматься: пришлось обратиться къ услугамъ увязанныхъ въ торока бурокъ.

Находясь на рубежѣ бассейна р. Фортанги, будетъ умѣстнымъ сдѣлать бѣглый очеркъ пройденной мѣстности.

Верховья Фортапги состоятъ изъ двухъ главныхъ истоковъ - западнаго, берущаго начало у юго-юго-западныхъ свѣсовъ г. Муйты-керъ близъ с. Хай, и восточнаго - р. Мереджи, вытекающей изъ-подъ горы Борзанты. Горная область этой части бассейна слагается хребтами Кори-ламъ и Мордь-ламъ и только что названными вершинами и ихъ отрогами. Западная сторона теченія р. Фортанги на всемъ протяженіи обрамляется водораздѣломъ между нею и системой р. Ассы.

Прорѣзавъ толщи твердыхъ известняковъ, Фортанга у хутора Верхній Датыхъ вступаетъ въ систему мягкихъ глинистыхъ сланцевъ, кое-гдѣ пробуравленныхъ выходами рыхлаго песчаника, замѣтно начинаетъ уклоняться къ сѣверо-востоку и стремится въ узкомъ ложѣ въ томъ-же направленіи до выхода на плоскость, въ долину Ассы и Сунжи.

Наблюдая какъ главное ущелье Фортанги, такъ и боковыя - ея притоковъ, мы замѣтимъ, что весь этотъ районъ не имѣетъ болѣе или менѣе рѣзкихъ повышений, возвышенныхъ и открытыхъ плато, а выполняющіе бассейнъ хребты и ихъ отроги расположены такъ, что даютъ возможность солнечнымъ лучамъ обильно освѣщать мѣстность и въ то же время защищаютъ верхнія рѣчныя долины отъ холодныхъ воздушныхъ теченій. Такой рельефъ по моему мнѣнію, способствуетъ болѣе широкому горизонтальному распространенію древесной растительности въ этомъ бассейнѣ по сравненію съ сосѣднимъ - р. Гехи: въ то время какъ въ послѣднемъ представители черной сосны*) не переходятъ въ общей массѣ параллели 42° 56', по Фортангѣ они достигаютъ 42° 64'.

Лѣсная богатства описываемой мѣстности рѣзко распадается на двѣ полосы: сѣверную - до хребта Кори-ламъ, съ господствомъ тѣмъ не любимаго бука, и южную - съ господствомъ цѣльныхъ породъ, т. е. ясеня, дуба, карагача и липы, среди которыхъ, какъ уже замечалось выше, букъ и сопутствующій ему грабъ занимаютъ второстепенное мѣсто. Нижняя (сѣверная) часть доставляетъ лѣсные матеріалы на надобности плоскостныхъ ауловъ и станицъ, лежащихъ по нижнему теченію рр. Фортанги, Ассы и Сунжи, въ большинствѣ уже успѣвшихъ снести свои общественныя лѣса. Впрочемъ, рубка не заходитъ здѣсь слишкомъ высоко по ущелью и далеко не достигаетъ нижняго

---

*) Породы хвойныхъ по ущельямъ р. Фортанги и ея притоковъ мнѣ не случилось наблюдать даже единичными экземплярами.

Датыхскаго хутора, сосредоточиваясь, конечно, по самым доступным для вывозки мѣстамъ какъ въ главномъ, такъ и въ боковомъ ущельяхъ. Что-же касается эксплуатаціи изобильно раскинутыхъ природой лѣсныхъ богатствъ выше названнаго хутора, то, можно сказать, она здѣсь совершенно отсутствуетъ: попытки вывоза отсюда цѣнныхъ породъ внизъ по главному ущелью производились нѣсколько лѣтъ тому назадъ и привели къ отрицательнымъ результатамъ: нѣкоторыя мѣста ущелья р. Фортанги положительно непригодны для транспортнрованія тяжелыхъ грузовъ, даже и въ томъ случаѣ, если ихъ, какъ лѣсъ, тянуть волокомъ. Понятно, нѣтъ ничего невозможнаго, и недостатки естественные можно устранить тѣми или иными искусственными приспособленіями; но дѣло въ томъ, что при проложеніи дороги здѣсь могутъ встрѣтяться довольно серьезныя затрудненія, созданныя природой: заключаются они въ горныхъ породахъ, изъ коихъ сложены хребты, обрамляющіе ущелье. Я попутно уже указывалъ на оползни, сдвиги и т. п., какіе встрѣчаются по дорогѣ отъ лѣсной караулки до солеварень. Къ этому, въ подтвержденіе высказаннаго предположенія, позволю себѣ привести еще нѣкоторыя мои наблюденія: верхній слой (почву) склоновъ составляетъ преимущественно суглинокъ и глина съ примѣсю лѣсного перегноя и т. п., подпочву-же этой части ущелья составляютъ мягкіе глинистые сланцы и кое-гдѣ песчаники. Послѣ обильнаго дождя (а недостатка въ нихъ никогда не бываетъ) вода, просочившись черезъ почву, смачиваетъ ближайшіе слои подпочвы, но проникнуть въ нихъ, уйти вглубь не можетъ; въ мѣстахъ наклонныхъ получается, такимъ образомъ, если можно такъ выразиться, катокъ, по которому, вслѣдствіе тяжести своей, верхній слой - почва начинаетъ скользить со всѣми находящимися на ней предметами. Разъ такое движеніе началось, оно уже не можетъ остановиться и захватываетъ все большія пространства. При такихъ условіяхъ полотно дороги не можетъ просуществовать долго, если для закрѣпленія его не принять соотвѣствующихъ мѣръ: оно будетъ сброшено или засыпано завалами. Поэтому я полагаю, что дорогу отъ караулки до датыхскихъ соляныхъ источниковъ по ущелью Фортанги возможно проложить при обезпеченіи капитальныхъ на нее затратъ доходностью отъ эксплуатаціи лѣса - при наличности крупныхъ предпринимателей-лѣснотромышленниковъ и подходящихъ требованіяхъ рынка.

На пути отъ перевала къ сел. Ялхарой обращаетъ вниманіе масса бугровъ изъ, чистой извести (алебастра), листами сероватой, мѣстами-же совершенно бѣлой; бугры эти не что иное, какъ осовы, происшедшіе отъ вывѣтриванія скалистыхъ гребней; они начинаются недалеко отъ перевала и идутъ къ ущелью р. Гехи, а часть ихъ окаймляетъ съ севера и ялхаройскую котловину. Верстахъ въ двухъ за переваломъ тропа даетъ развѣтвленіе вправо, въ долинку безымянной рѣчки - притока р. Акки-хи; въ этой долинкѣ пріютилось маленькое тоже безымянное озерцо^{*)}, одинъ изъ глазъ озера-быка, что было у селенія Амки^{**)}, какъ говорятъ туземцы. Ближе къ Ялхарою, вправо отъ дороги, въ скалахъ замѣтны ряды пещеръ.

На переѣздѣ отъ перевала до селенія было потрачено полтора часа при хорошей дорогѣ. Не успѣли мы расположиться въ домѣ старшины, какъ пошелъ дождь, мелкій, чисто осенній; температура сильно пала, и даже въ комнатѣ становилось прохладно не въ мѣру. Мы выглянули на дворъ: все тонуло въ непроглядной сырости. Наступили сумерки, хотя было только пять часовъ. При такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ

---

^{*)} Ни на одноверстной, ни на пятнверстной картахъ оно не показано. Мнѣ говорили, что по-близости еще есть такое-же озерцо (другой глазъ!), но лично я его не видѣлъ.

^{**)} Легенду о бывшемъ у с. Амки озерѣ я привелъ въ статьѣ „Верховья р. Гехи" (см. „Извѣстія" Кавказскаго Отдѣла Импер. Русск. Географ. Общ., т. XV (1902 г.), стр. 282).

двигаться дальше не было возможности, —пришлось заночевать.

Въ Ялхароѣ я предполагалъ отпустить сопровождавшихъ меня отъ начала пути объѣздчиковъ, рассчитывая, что сюда выѣдутъ навстрѣчу другіе, но мои предположенія не оправдались. Къ печальной обстановкѣ по случаю измѣнлившейся погоды присоединилось еще и извѣстіе, сообщенное намъ ялхаройцами, что дорога по ущелью р. Кей-чу очень испорчена дождями. Ялхаройцы совѣтовали даже отправиться лучше на Евдокимовское черезъ Галанчочское старшинство; но мнѣ не хотѣлось отступать отъ зараніе намѣченного пути, и я рѣшилъ идти въ Кійское старшинство.

Утромъ 14-го августа я проснулся рано. Солнце еще не вставало. Толкнувъ притворенные ставни, я, къ немалому удовольствію, увидѣлъ, что погода за ночь вполне прояснилась, и безоблачное ярко-голубое небо не омрачалось ни одной тучкой. Хотя вся окружающая ауль мѣстность еще была погружена въ предразсвѣтный полумракъ, я принялся будить своихъ спутниковъ. Запасенными съ вечера дровами скоро развели въ очагѣ огонь, нагрѣли чайникъ и принялись за чаепитіе. Пришелъ хозяинъ, которому былъ также предложенъ нами чай, и мы попросили его поторопить назначеннаго намъ еще наканунѣ проводника и привести съ ночной пастыби нашихъ лошадей. Проводникъ намъ былъ необходимъ: съ хребта Юкь-ерь-ламы въ Кійское ущелье ни я, ни мои спутники дороги не знали. Однако, какъ мы ни торопились, а тронулись въ путь только около семи часовъ.

Я не стану описывать мѣстность отъ Ялхароя и далѣе по Аккинскому ущелью: здѣсь мы шли знакомымъ путемъ, которымъ я слѣдовалъ въ свою поѣздку по котловинѣ р. Гехи^{*)}. Скажу только, что отъ башни Дисхи-воу^{**)} мы свернули влево, перебрались черезъ рѣчку Акки-хи и стали подниматься на возвышенности, обрамляющія ея правый берегъ. Здѣсь, на одномъ изъ пологихъ бугровъ, у тропинки, обращаетъ на себя вниманіе каменная плита-иамятникъ съ высѣченными на ней крестомъ; въ твердомъ песчаникѣ совершенно ясно сохранилось его изображеніе: двѣ пересѣкающіяся подъ прямымъ угломъ линіи, а на концахъ ихъ четыре правильныхъ круга. Плита имѣетъ 1 арш. 10 вершк. высоты надъ землею, 12 вершк. ширины и 3 вершка толщины. Кромѣ креста никакихъ фигуръ не имеется. На мои разспросы какъ у проводника, такъ и у встрѣченныхъ далѣе на сѣверѣ аккинцевъ я не получилъ никакого опредѣленнаго отвѣта: всѣ говорили, что ничего не знаютъ о происхожденіи этого памятника.

Поднявшись на два небольшихъ увала отъ рѣчки, тропа выходитъ на небольшое покатое плоскогорье. Густая сочная трава длинными рядами ложилась подъ дружными взмахами косцовъ, которые, когда мы показались изъ-за пригорка, оставили работу и съ любопытствомъ осматривали нашъ караванъ, хотя, кажется, никто изъ его участниковъ не представлялъ изъ себя чего-либо занимательнаго. Нашъ проводникъ, молодой парень, сомнѣвался въ исправности дороги но южнымъ свѣтамъ тамъ Юкь-ерь-лама, счелъ не лишнимъ собрать у нихъ нѣкоторыя свѣдѣнія, и мы на минуту приостановились. Отвѣты косарей-аккинцевъ подтверждали опасенія, слышанныя нами отъ ялхаройцевъ, но добиться опредѣленныхъ отвѣтовъ и указаній было нельзя.

Бросивъ тропу, мы пошли прямо по мягкому отлогому склону къ гребню хребта. Пышный коверъ субъ-альпійскихъ луговъ покрывалъ все видимое пространство и, несмотря на сравнительно позднее время, еще ярко пестрѣлъ самыми разнообразными цвѣтами. На этомъ-же склонѣ намъ встрѣтилась небольшая мочежинная площадка, на которой во множествѣ торчали высокіе стебли давно отцвѣтшихъ, полуувядшихъ желтыхъ лилій. Освобожденные отъ удиль и сѣдокъ, наши лошади съ большимъ

---

*) Тамъ-же

**) Тамъ-же.

аппетитомъ уплетали на-ходу сочную траву, и мы совершенно нѣ заметно очутились на широкой сѣ дловинѣ , а немного погодя передъ нами раскинулась панорама глубокаго Кійскаго ущелья. Отъ перевала тропа пролегаетъ вначале по пологимъ, какъ и только что пройденный по сѣ верному свѣ су, скатамъ на порядочное разстояніе (около 2 ½ версть приблизительно). Довольно вѣ рнымъ будетъ опредѣ леніе этой части южнаго склона хребта Юкъ-ерь-ламъ, что онъ представляетъ начиная отъ гребня, широкия, но не высокія расположенныя одна надъ другою террассы. Куда ни кинешь взглядъ, нигде ни кустика: сплошная зеленая скатерть луговъ, между которыми тамъ и сямъ желтѣ ютъ полоски созрѣ вшихъ нивъ. Кое-гдѣ на нашемъ пути ячмень и пшеница были уже сжаты и лежали въ снопахъ и копнахъ; здѣ съ-же шла уборка травы. У первой встречной партіи косарей-кійцевъ мы пріостановились и распытали о состояніи дороги, да, кстати, спросили, какъ намъ отыскать старшину. Одинъ изъ нихъ, немножко говорившій по-русски, мѣ шая свою родную рѣ чь съ русскими словами, началъ очень бойко объяснять, какого направленія намъ слѣ довало держаться. Впрочемъ, изъ его пространной рѣ чи я только и понималъ, что „дорога очень яманъ, лоша нога парпаль; желѣ зъ нада!“...

По мѣ рѣ движенія внизъ склоны становятся круче. Кое гдѣ намъ начали попадаться признаки бушевавшихъ здѣ съ стихій: встрѣ чались свѣ жіе осовы почвы, намытые по скатамъ валики изъ мелко исколотога шифернаго сланца, и, чѣ мъ ниже, тѣ мъ все въ большихъ и большнхъ размѣ рахъ. Версты за полторы до сел. Нижшній Кій намъ пришлось пройти по едва замѣ тной тропѣ , вновь набитой по тому-же обнаженному сланцу, съ котораго верхній слон почвы вмѣ стѣ съ растительностью былъ сорванъ и сброшенъ внизъ, къ рѣ чкѣ . Каждая ложбинка въ своемъ устьѣ была буквально заполнена продуктами разрушенной атмосферными осадками горной породы.

Занятый окружающею картиной, я и не замѣ тилъ, какъ передъ нами выросло нѣ сколько башенъ и мы очутились на узенькой, съ сильнымъ уклономъ, улицѣ селенія Нижшній Кій. Когда наши лошади застучали копытами по улнчнымъ плитамъ, изъ-за угловъ и всевозможныхъ извилинъ повысыпало немало ребятъ: всѣ , выпучивъ глаза, безмолвно созерцали наше шествіе. Не желая бродить наугадъ, я вѣ лелъ Ханіеву передать проводнику, чтобы онъ при всякомъ случаѣ спрашивалъ, куда намъ лучше пройти, тѣ мъ болѣ е, что нашъ чичероне, какъ это выяснилось, бывалъ въ этихъ мѣ стахъ очень мало, не особенно твердо зналъ дороги, а послѣ роисшедшнхъ здѣ съ пертурбацій могъ и окончательно запутаться.

Спустившись къ самой рѣ чкѣ Кій-хи и разспросивъ о дорогѣ , мы отправились внизъ, къ селенію Маштарой (Маштырхой тожъ), гдѣ имѣ лъ пребываніе мѣ стный старшина. На всемъ пути по дну ущелья приходилось наталкиваться на картины разрушеніи. Дорога, дѣ йствительно, оказалась сорванной, и мы карабкались по крутымъ узкимъ тропинкамъ, по осовамъ, перескакивали черезъ трещины въ почвѣ , сдвинутой и навороченной въ какой-то невозможный хаосъ. Въ лежавшемъ на пути селеніи Гимри, вслѣ дствіе глубокаго подмыва почвы, опрокинуло старинную высокую башню и разрушило домъ изъ плитнякаваго камня. Въ этомъ селеніи мы повстрѣ чали родственника старшины, который и вызвался проводить насъ до Маштароя. Итти берегомъ съ лошадьми оказалось невозможными и намъ пришлось нѣ сколько разъ перебираться вбродъ черезъ рѣ чку; она мчится въ узкомъ каменнстомъ ложѣ съ высокими обрывистыми берегами; русло ея загромождено обломкамн плотнаго сланца, имѣ етъ не более 10—15 шаговъ ширины, сильно наклонено и, несмотря на обыкновенный уровень воды, мѣ стами очень затруднительно для переправы. Кое-где по не обсохшимъ еще берегамъ были видны слѣ ды поллой воды: она поднималась на два слишкомъ аршина. Ущелье р. Кій-хи обрамляется съ юга высокими крутыми

склонами хребта Басты-ламъ, а съ севера нижними уступами Юкъ-ерь-лама; дно его очепь тѣ сное и представляет собою каменный лотокъ, ио которому и несется рѣ ечка, вбирающая по пути массу притоковъ, спадающихъ съ обѣ ихъ сторонъ по боковымъ ущельицамъ.

Къ шести часамъ вечера мы добрались до Маштароя, состоящаго всего изъ четырехъ дворовъ. Старшина, уже пожилой, но еще вполне бодрый старикъ, пригласила насъ къ себѣ . Черезъ вымощенный каменными плитами тѣ сный дворъ прослѣ довали мы въ домъ. Убранство комнаты не представляло какихъ-либо особенностей, если не считать нѣ сколькихъ Плетеныхъ кресель, да разноцвѣ тныхъ обоевъ, украшавшихъ стены.

Какъ обыкновенно водится въ горахъ, вскоре после нашего приѣ зда комната начала наполняться посѣ тителями: ихъ, конечно, привлекало любопытство и вмѣ стѣ съ тѣ мъ обычай - посѣ тить заѣ зжихъ гостей, раздѣ лить время и заодно откушать въ общей компаніи. Нашъ хозяинъ и одинъ изъ пришедшихъ довольно хорошо владѣ ли русскимъ языком?., и изъ ихъ рассказовъ я узналъ подробности катастрофы, имевшей место въ Кійскомъ ущелье подъ 21-е и 25-е числа іюля 1902-го года. 20-го числа послѣ полудня разразился страшный ливень, сопровождавшійя грозой и градомъ, который достигалъ величины мелкаго куринаго яйца и въ короткое время укрылъ землю сплошь толстымъ слоємъ. Ливень прекратился только къ вечеру 21-го. Переполненная устремившимися въ нее съ крутыхъ склоновъ дождевыми водами р. Кій-хи выступила изъ береговъ и съ ужасающею силою несла огромные камни. Шумъ отъ бушевавшей рѣ ки, ливня и града, непрерывные удары грома и сверканіе молніи должны были поистинѣ представлять ужасную канонаду, повлекшую за собою много бѣ дствій: забитый градомъ и напуганный гуломъ и грохотомъ скотъ метался, попадалъ въ рѣ ку и иогибалъ; такимъ образомъ унесло много овецъ, телятъ и коровъ. Изъ конскаго табуна; пасшагося на свободѣ по сѣ вернымъ склонамъ Басты-лама, бросились съ высокаго обрыва въ рѣ ку 32 самыхъ лучшихъ лошади, и ни одной изъ нихъ не было возможности спасти. Много нивъ, частью сжатыхъ, частью стоявшихъ на корнѣ , сено, луга, - все это съ пластами почвы смывалось и или погребалось подъ наносами, или уносилось въ рѣ чку. Со скатовъ въ дома неслись цѣ лые ручьи, и многія изъ построекъ сильно пострадали. Такихъ грозныхъ явленій не могутъ припомнить мѣ стные старики, насчитывающіе себе далеко за полвѣ ка. Ливень повторился подъ 25-е іюля, но съ гораздо меньшей силой и продолжительностью, почему особенныхъ бѣ дствій не причинилъ. Интересно, что только Кійское и часть Аргунскаго ущелья служили театромъ для разбушевавшихся стихій, и онѣ совершенно не коснулись какъ сосѣ дняго съ Кійскимъ Бастинскаго ущелья (по южную сторону хребта Бастыламъ), такт, и котловины р. Гехи. Изъ рассказовъ кійцевъ я, наконецъ, подробно узналъ, что по ущелью Кій-хи къ р. Чанты-Аргуну, а также и по послѣ днему до укрѣ пленія Евдокимовскаго дорога совѣ мъ уничтожена. Пройти этимъ путемъ не только съ лошадьми, но и пѣ шеходамъ невозможно, почему мнѣ предстояло окончательно отказаться отъ заранеѣ предначертаннаго плана.

Кійское старшинство состоитъ изъ 88 дворовъ, разбросанныхъ въ семи отдѣ льныхъ селеніяхъ и отселкахъ по главному и боковымъ ущельямъ. Въ пользованіи жителей находятся земли, расположенныя по обѣ стороны ущелья, т. е. склоны - северный Басты-лама и южный Юкъ-ерь-лама, съ его развѣ твленіями въ районѣ системы р. Кій-хи. За немногими, сравнительно, исключеніями, эти земли представляютъ прекрасныя альпійскія пастбища, славящіяся даже въ окрестностяхъ. Мѣ стность малолесная, и строительнымъ матеріаломъ служить камень; вывозка необходимаго въ хозяйствѣ лѣ са сопряжена съ крайними трудностями.

Ущелье Кій-хи богато старинными высокими башнями, о которых, къ сожалѣнію, мои собеседники не могли мнѣ ничего рассказать.

Отъ Маштароя къ Евдокимовскому намъ предстояло итти кружнымъ путемъ, и я попросилъ старшину съ вечера позаботиться о лошади и проводникѣ на слѣдующій день, а чтобы запастись силами, мы постарались пораньше пойти на отдыхъ. 15-го августа въ шесть часовъ утра мы были на ногахъ, напились чаю, закусили; скоро явился и проводникъ - очень бойкій горець изъ отселка Бурты, который помогъ моимъ объѣзжикамъ постѣлать лошадей к навьючить нашъ багажъ. Около семи часовъ нашъ небольшой караванъ покинулъ селеніе Маштарой и потянулся вначалѣ лѣвымъ склономъ Кійскаго ущелья къ востоку, а затѣмъ круто повернулъ къ сѣверу, въ боковое ущелье р. Бурты-чочъ. Втянувшись въ предѣлы послѣдняго, мы сразу натолкнулись на значительныя препятствія: размытые ливнемъ склоны были сплошь засыпаны толщами разрушеннаго шифернаго сланца и по нимъ вилась еле замѣтная тропинка; вслѣдствіе крутизны откосовъ, тропинка какъ-бы двигалась, ноги тонули въ свѣжей осыпи, и надо было пускаться въ дѣло всѣми наличными средствами, чтобы не слетѣть далеко внизъ. Для лошадей этотъ путь оказался совершенно недоступнымъ, и ихъ пришлось вначалѣ спустить съ большимъ трудомъ къ рѣчкѣ, по руслу которой и провести около версты. Взявъ положительно приступомъ нѣсколько отвѣсныхъ выступовъ, мы вскарабкались на лѣвый берегъ рѣчки, соединились съ проводникомъ и слѣдовали узкимъ ущельемъ вплоть до отселка Бурты, пріютившагося на высокомъ утесѣ при слияніи двухъ горныхъ ручьевъ. Онъ вполне можетъ оправдать названіе *каменнаго гнизда*, такъ какъ сплошь состоитъ изъ дикаго плитняка и обнесенъ весь такою-же стѣною. Мы миновали его и по крутой тропинкѣ стали взбираться на возвышенности. Только къ 12 часамъ дня судьба привела насъ къ селенію Никарой, и проводникъ еще издали, съ бугра зычнымъ голосомъ оповѣстилъ никароевцевъ о нашемъ прибытіи.

Всѣ 37 дворовъ этого селенія ютятся на площадкѣ, на скалистомъ мысѣ при слияніи двухъ безыменныхъ рѣчекъ. Постройки очень скучены и дворы обыкновенно располагаются на крышахъ лежащихъ ниже домовъ. Достопримѣчательностью служить единственная древняя башня, очень хорошо сохранившаяся; она имѣетъ до 30 аршинъ высоты и состоитъ изъ четырехъ этажей, с куполообразной крышей, украшенной каменнымъ шпиромъ. Постройку ея приписываютъ родоначальнику фамиліи Никароевыхъ, въ отдаленную эпоху обосновавшемуся въ этихъ мѣстахъ. Въ настоящее время башня необитаема, и подъ крышей ея, въ верхнихъ бойницахъ привольно живутъ дикіе голуби.

Окрестности селенія на большое пространство совершенно безлѣсны, и необходимый для построекъ и другихъ хозяйственныхъ надобностей лѣсной матеріалъ жители должны привозить издалека по трудно проходимымъ горнымъ дорогамъ; поставленные въ тяжелыя топографическія условія, при полномъ, можно сказать, бездорожьѣ, никароевцы еле-еле перебиваются получаемыми на мѣстныхъ продуктахъ своего хозяйства, главными отраслями котораго являются скотоводство и земледѣліе,—послѣднее въ ограниченныхъ размѣрахъ, по недостатку подходящихъ къ тому мѣстныхъ.

Отъ Никарой намъ слѣдовало итти на сел. Эзихой. Мы обогнули основаніе скалистаго мыса, версты на полторы поднялись вверхъ по рѣчкѣ и, преодолевъ два большихъ подъема и спуска, выбрались на хребетъ Юкъ-ерь-ламъ, на ту его часть, которая окаймляетъ съ юга восточные истоки р. Гехи въ предѣлахъ Хайбахскаго старшинства. Далекъ внизу въ глубокихъ ущельяхъ мелькали селенія, вырисовывались хребты, скалы и пологія покатоки, заполняющія котловину верховьевъ р. Гехи.

Солнце жгло немилосердно, несмотря на то, что время порядочно перевалило за

полдень. Упарившієся кони шли вяло, да и мы сами изрядно притомились. Теперь мы шли хребтомъ Юкъ-ерь-ламъ къ востоку. Въ глубокихъ лощинахъ къ сѣ веру кое-гдѣ замѣ тны были заросли низкорослыхъ березокъ, рябины, ивы. Изумрудный коверъ субъ-аліпійскихъ луговъ пестрѣ ль еще букетами цвѣ товъ. Но склонамъ ползали стада овецъ, коровъ, доносилось ржаніе копей.

Обогнувъ котловину р. Гехи, хребетъ даетъ широкую вѣ твистую цѣ пь, круто поворачивающую отъ вершины Яцебъ-корть (?Кчъ-ашнъ-корть) на юго-востокъ. Минуя истоки р. Урусъ-Мартанъ тропа проходитъ по узкому гребню и затѣ мь разсыпается въ цѣ лую сѣ ть тропикокъ по развѣ твеніямъ широкихъ хребтнковъ. Нашъ проводникъ заметно смутился и сталъ, затрудняясь въ выборѣ дороги къ селенію Эзихой. Кругомъ не было и признаковъ жилья, - только далеко въ ущельѣ р. Урусъ-Мартанъ поднимался чуть замѣ тный дымокъ надъ саклями аула Пешхой. Изъ этого неприятнаго положенія насъ вывели пастухи, которые указали намъ настоящую дорогу.

Когда передъ нами показались постройки селешя Эзнхой, солнце готовилось спуститься за горы. Въ блескѣ лучей заходящаго свѣ тила на сѣ веро-западѣ рельефно выдѣ лялась конусообразная вершина г. Кеибъ-корть, у южныхъ уваловъ которой располагался оставленный нами нѣ сколько часовъ назадъ Никарой. На фонѣ совершенно безоблачнаго голубого неба къ югу очерчивались снѣ жныя вершины и между ними красовались два грандиозныхъ конуса горы Тебулось; на сѣ дловинѣ ихъ видны снѣ жныя накопленія, а крутые скаты изобилуютъ темными пятнами— скалистыми обнаженіями.

По обильно покрытой росой травѣ мы спустились въ широкую лощину и въ восемь часовъ вечера кунацкая эзихоевскаго старшины приняла насъ подъ свой кровъ. Обычные гости и здѣ сь не преминули появиться; къ нимъ присоединилась еще группа нарядно одѣ тыхъ молодыхъ людей съ кремневыми пистолетами за поясами. Эта депутація явилась просить насъ на свадьбу; но за истекающій день мы изрядно устали (почти три четверти всего пути пришлось пройти пѣ шкомъ), почему любезно уклонились отъ приглашенія.

По случаю нашего пріѣ зда традиціонный барашекъ подвергся своей злой участи, и отказаться отъ ужина было невозможно. Въ ожиданіи его я вышелъ на террасу. Луна только-что поднималась изъ-за горъ. Откуда-то издалека доносился съ дуновеніями вѣ терка печально-монотонный напѣ въ горской пѣ снѣ. Постоянно выплывали изъ мрака детали окрестностей, развертываясь въ очень красивый пейзажъ. Вскорѣ изъ сосѣ дней сакли послышались звуки гармоники, хлопанье въ тактъ ладоней, гиканье джигитовъ, отжаривавшихъ бойкую горскую лезгинку, и зажигающія кровь пистолетные выстрѣ ли.

Странно, что при такой обстановкѣ на меня нашло прозаическое раздумье о неприглядномъ культурномъ положеніи горцевъ. Какъ-бы тамъ ни говорили о „внесеніи въ жизнь и понятія чеченцевъ, путемъ непосредственнаго вліянія, элементовъ цивилизаціи", но на самомъ дѣ лѣ со времени окончанія Кавказской войны „безъ всякихъ искусственныхъ мѣ рь" въ этомъ направленіи существеннаго ничего не достигнуто. Присматриваясь ближе к жизни чеченцевъ-горцевъ, невольно приходишь къ заключенію, что ограничиваться одними „естественными расадниками русской культуры" въ видѣ слободъ при укрѣ пленіяхъ Шатой, Ведено и Воздвиженская^{*)} далеко не достаточно и что надо дать нѣ что другое, что могло-бы улучшить экономическое и нравственное положеніе горцевъ.

Хозяйство горца, главный источникъ его жизни - скотоводство - стоитъ на очень

---

^{*)} Доводы эти н взятые въ кавычкп фразы привожу цѣ лпкомъ изъ „Обзора Терской области за 1894 г." „См. Записки Кавк. Отд. И. Р. Г. Общ." кн. XIX, стр. 123

низкомъ уровнѣ . Не будетъ иреувеличеніемъ если мы скажемъ, что оно ни на одинъ шагъ не двинулось впередъ за послѣ дня 50 - 60 лѣтъ, идетъ тѣмъ же рутиннымъ путемъ, какъ шло и до водворенія русскаго владычества. Скотъ мелкій, даетъ мало молока и притомъ невысокаго качества. Обработка продуктовъ самая примитивная и приноситъ владѣльцу мизерную пользу. А посмотрите на прекрасные горные луга и пастбища, раскинувшіяся хотя-бы въ пройденной мѣстности, и вы какъ-бы скептически ни отнеслись къ вопросу, придете къ убѣжденію, что здѣсь лежитъ посѣянный самою природой залогъ благосостоянія людскаго, который не замедлитъ дать плоды, если умѣло взяться за дѣло. При такихъ условіяхъ улучшеніе породы молочнаго скота, по моему мнѣнію, должно было-бы оказать **не?нѣ нную** пользу въ повышеніи экономическаго благосостоянія населенія, а пріобрѣтеніе по нѣсколько кровныхъ производителей **?** общественныхъ стадъ на льготныхъ условіяхъ едва-ли будетъ обременительнымъ; наиболѣе подходящей къ местности породой будетъ швейцарская. Равно нуждается въ улучшеніи и овцеводство.

Не помню, гдѣ мнѣ пришлось однажды читать, что о степени культурности страны можно судить по состоянію въ ней дорогъ. **?ѣ е** печальное положеніе путей сообщенія, чѣмъ въ здѣшнихъ горахъ, трудно себѣ представить, а дорогъ, въ точномъ смыслѣ слова, совсѣмъ не имеется. Даже при современномъ примитивномъ **?йствѣ** и жизни горца горныя тропы въ непогоду составляютъ **?тое** горе. Только безшабашность, безразличное отношеніе не только къ животнымъ, но и къ себѣ лично, и крайняя нужда заставляютъ человѣка пускаться въ дорогу. Слѣдуетъ обратить вниманіе на проложенныя во время завоеванія края войсками дороги. Остатки ихъ еще въ наше время мѣстами сохранились, хотя, бѣзъ поддержки, находятся далеко не въ блестящемъ видѣ . Мнѣ **?ется**, что разработкой, расширеніемъ и своевременнымъ ремонтомъ этихъ дорогъ можно было-бы сильно облегчить сообщеніе въ горахъ и сдѣлать ихъ доступными во всякое время.

Если коснуться народнаго образованія, то здѣсь мы найдемъ такъ же огромный пробѣлъ: не только въ горной, но и въ плоскостной Чечнѣ сововмѣнѣтъ школы. Не могу сказать, чтобы **ту?** чуждались образованія: напротивъ, среди нихъ находятся **?** желающіе дать своимъ дѣтямъ возможность научиться русской грамотѣ и языку. Мнѣ рассказывали, что съ этою цѣлью въ одномъ изъ плоскостныхъ селеній (Старые Атаги) несколько домохозяевъ-чеченцевъ наняли какого-то слобожанина (бывшаго пи?), дали ему квартиру, столъ и за cadaго мальчика положили по рублю въ мѣсяцъ за обученіе. Быть можетъ, случай этотъ и единичный, но онъ до нѣкоторой степени служить показателемъ потребностей населенія и съ нимъ считаться надо. Можно с уверенностью сказать, что, разъ будутъ введены школы въ плоскостныхъ чеченскихъ аулахъ, въ нихъ станутъ отдавать своихъ дѣтей и горцы, отчего, конечно, дѣло народнаго образованія быстрѣе двинется впередъ. Весьма возможно, что первоначально придется понудить населеніе принять участіе въ оборудованіи въ селахъ низшихъ учебныхъ заведеній, но стѣсняться съ этимъ едва-ли слѣдуетъ, имѣя въ виду общественное устройство даже русскихъ селеній и станицъ, въ которыхъ сплошь и рядомъ полезныя нововведенія встречаются неохотно, а иногда и враждебно. Въ такихъ случаяхъ приходится дѣйствовать и... „рѣчей не тратить по-пустому тамъ, гдѣ надо власть употребить“.

Селеніе Эзихой состоитъ изъ 30 дворовъ и расположено в долинѣ одного изъ развѣтвленій рѣчки Бечикъ-чочъ. Широкое ровное плато съ чистенькими постройками и просторными усадьбами производитъ, послѣ скученныхъ селеній Кійскаго старшинства и Никароя, очень пріятное впечатлѣніе. Къ укрѣпленіямъ Евдокимовскому отсюда ведетъ просторная тропа по лѣвымъ склонамъ ущелья. Кое-

гдѣ куртинами и значительными островами встрѣчаются по дорогѣ насажденія изъ березы, липы, карагача, изрѣдка дуба. Склоны окрестныхъ возвышенностей мягкіе, съ небольшими паденіями, и по нимъ на значительной площади разбросаны посѣвы кукурузы, шнепицы, ячменя, проса и овса. Черезъ три часа пути отъ Эзихоя мы были уже на склонахъ, непосредственно обрамляющихъ левую сторону Аргунскаго ущелья. Отсюда открываются красивые виды какъ на главное ущелье, такъ и на противоположныя боковыя - рр. Чапты-ахкъ и Хочарой-ахкъ, съ покрытыми лѣсомъ крутыми боками и небольшими плато, сплошь засѣянными кукурузой и другими злаками. Открытые свободному дѣйствию ветровъ и солнечныхъ лучей крутыя покатости лѣвой стороны Аргуна даютъ пріютъ лишь скудной суходольной травянистой растительности, а изъ кустарниковъ здѣсь произрастають барбарисъ, палласова крушина, мѣстами алыча.

По зыбкому временному мосту надъ бушующей, вскидывающей съ дьягивы своихъ черныхъ волнъ р. Чанты-Аргунь дорога привела насъ къ Евдокимовскому. Въ полуверсте отъ **стенъ**, за рѣчкой Чанты-ахкъ, расположенъ аулъ Итумъ-кай (67 дворовъ), съ базаромъ, на которомъ имѣются два-три двухэтажныхъ дома - мѣстные лавки. Въ общемъ это местечко является сравнительно крупнымъ рынкомъ для очень многихъ окрестныхъ селеній и въ то-же время, служитъ административнымъ центромъ: въ укрѣпленіи расположена ставка начальника 6-участка Грозненскаго округа.

На протяженіи 5 - 6 верствъ внизъ отъ укр. Евдокимовская р. Чанты-Аргунь течетъ по дну широкой котловины. Склоны ея почти совершенно безлѣсны. Слагающія ихъ породы и жгучее солнце, по всей вѣроятности, не даютъ возможности развиваться травянистой растительности: она очень скудна. Изъ кустарниковъ встрѣчаются: около дороги - барбарисъ, палласова крушина и **жи-дерево**, но вершинамъ и головицамъ балокъ - куртины **бежняковъ**. Дно котловины усѣяно булыжникомъ и разной величины галькой и прорѣзывается въ двухъ мѣстахъ глубокими оврагами, имѣющими свое начало въ складкахъ лѣвыхъ склоновъ; Послѣ июльскихъ ливней дорога и мосты на нихъ были уничтожены и овраги представляли нелегкія задачи для переправы. Ниже русло Аргуна упирается въ отвѣсную скалу, въ которой пробивали новую дорогу вмѣсто сорванной: временно для прохода здѣсь были уложены каменныя плиты, и по нимъ слѣдовало проводить лошадей, снявши съ нихъ предварительно сѣдла, такъ какъ навѣсъ былъ очень низокъ. Брызги отъ kloкочущей между **унами** рѣки такъ обильно обдають путника, что черезъ 15—20 шаговъ по помосту платье его промокаетъ насквозь.

Между аулами Безгантхой и Денкале котловина обрывается и Аргунь врѣзывается въ мощныя толщи известняковъ, спадая в узкую трещину. Подъ навѣсомъ праваго отвѣснаго утеса, у самой воды, прилѣплены двѣ древнихъ башни. Въ отношеніи самообороны и охраны прохода строителемъ ихъ мѣсто выбрано очень **хорошо**. Здѣсь-же черезъ рѣку лежитъ круглое дерево, служащее мостикомъ для пѣшеходовъ; признаюсь, что перебираться по такимъ сооруженіямъ можно лишь челоуку съ очень крѣпкими нервами: малѣйшая неосторожность, невѣрный шагъ - и смѣльчакъ неминуемо долженъ погибнуть въ бѣснующихся водахъ рѣки.

Ниже этого мѣста рѣка все глубже уходитъ въ гигантскую трещину и течетъ въ узкомъ корридорѣ. Отвѣсныя стѣны Аргуна достигаютъ 20—40 сажень высоты и по лѣвой сторонѣ ея, въ **глубокой** пробита дорога, образующая естественное шоссе на всемъ протяженіи ущелья въ полосѣ известняковъ. Съ перемѣной характера мѣстности появляется и древесная растительность: **въ ущельяхъ** склоны ущелья скалы украшаются

соснами, ниже их произрастают липа, дубь, карагачь, а дорога осѣнена кустами кизила, ?ника, свидины и проч. Къ особенностямъ этой части ущелья можно отнести богатая залежи прекраснаго алебастра, мощнымъ ? прорѣ зывающія отложенія грубыхъ известняковъ, да удушливый запахъ сѣ рнистыхъ паровъ отъ обильныхъ ключей.

У селенія Вашендерой рѣ ка выходитъ на просторъ и широкимъ плесомъ разливается по дну небольшой котловины. Дорога выходитъ на правый берегъ и, перерѣ завши каменистое русло рѣ чки Верды-ахкъ, поднимается въ слободѣ Шатой. Высокая открытая терраса между рр. Верды-ахкъ и Аргуномъ служитъ мѣ стоположеніемъ слободы. Непосредственно за небольшой площадью сельско-хозяйственныхъ угодій шатоевцевъ высятся мягкіе склоны отроговъ г. Хайка-ламъ, задрапированные лѣ сною растительностью. На противоположной сторонѣ главнаго ущелья на плато и пологихъ скатахъ, спускающихся къ сѣ веру отъ хребта Тумсой-ламъ разбросаны чеченскіе аулы Цогуной, Вашендерой, Бардой и другіе, вокругъ и между ними лѣ са совсѣмъ нѣ ть: онъ давно уже сведенъ для полученія свободныхъ мѣ сть подъ пашни и покосы.

Твердое полотно дороги по ущелью Аргуна заставило меня на слѣ дующій день передъ отправленіемъ въ дорогу подковать своего коня. Кузнецъ-лезгинъ живо обдѣ лалъ эту операцію и в 11 часовъ дня 17-го августа мы покинули Шатой. Аргунъ снова зарылся въ глубокую тѣ снину и глухо шумѣ лъ гдѣ -то далеко внизу. Однако, ландшафтъ уже не такъ дикъ, а обиліе лѣ са смягчаетъ крутыя ребра и скалистыя обнаженія.

У поляны **Ярышмард?** на половинѣ дороги отъ Шатоя къ Воздвиженской, прерываютъ наслоенія известняковъ и появляются глины. Прочное природное шоссе замѣ няется искусственнымъ, но вслѣ дствіе постоянного сползанія почвы здѣ сь его невозможно содержать въ порядке: грязь и топи не переводятся въ этихъ мѣ стахъ даже и въ сухую погоду. Вырвавшись изъ крѣ пкихъ каменныхъ береговъ на просторъ, рѣ ка мечется во всѣ стороны, постоянно измѣ няетъ свое теченіе и подтачиваетъ рыхлые берега. Чтобы оградить дорогу отъ размыва, требуется изъ года въ годъ сооруженіе береговыхъ плотинъ.

На высокой площадкѣ по лѣ вую сторону рѣ ки мелькнули развалины бывшаго Аргунскаго укрѣ пленія, и отсюда мы окинули въ послѣ дшй разъ прощальнымъ взглядомъ пройденное ущелье. Солнце близилось къ закату, и на глубокія впадины уже ложились

густыя вечернія тѣ ни. Вздымаясь одна надъ другою, убѣ гая къ югу, тонули въ голубоватой дали нѣ сколько параллельныхъ горныхъ цѣ пей, а на самомъ заднемъ планѣ, замыкая картину, высились снѣ жныя громады.

М. А. Ивановъ.

*) Подъ этимъ названіемъ у туземцевъ извѣ стны горы, служащія продолженіемъ Пешхой-лама къ востоку - отъ истоковъ р. Урусъ-Мартан до Аргуна.